Министерство высшего и среднего
специального образования
РСФСР

Красноярский государственный университет

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ (методологический аспект)

МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК

Красноярск 1987

Проблема диалектического противоречия. (Методологический аспект): Межвуз. сб./Краснояр. ун-т. Красноярск, 1987. 110 с.

В статьях сборника рассматривается природа, структура, типология, логика познания диалектического противоречия, его методологические функции как принципа естественно-научного познания и обществознания, место в системе категориального аппарата основных законов диалектики.

Сборник представляет интерес для научных сотрудников, аспирантов, студентов, слушателей сети политпросвещения.

Редакционная коллегия:

А. Я. Райбекас — отв. ред., д-р философ. наук, проф.;
А. М. Израилевский — канд. философ. наук;
Ю. П. Роговой — канд. философ. наук.

Рецензенты:

д-р философ. наук, проф. **А. М. Гендин** (зав. кафедрой философии Краснояр. пед. ин-та);
каф. философии Сибирского технологического института

Печатается по решению
редакционно-издательского совета
Красноярского университета

©
Красноярский
государственный
университет,
1987

ВВЕДЕНИЕ

Если диалектика, по образному выражению В. И. Ленина, есть «душа марксизма», то ядром ее несомненно является концепция диалектического противоречия. «Вкратце диалектику можно определить, — писал он, — как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики...» (1).

Учитывая ту роль, которую играет марксизм в целом как идеология революционного преобразования мира, понятен пристальный интерес ученых-марксистов к теоретической разработке проблемы противоречия, к анализу методологии применения диалектико-материалистической концепции противоречия в познавательной и практической деятельности человека.

Мировоззренческая и методологическая значимость научного исследования проблемы противоречия особенно заметна в наши дни «крутого перелома в жизни страны, современного мира в целом» (2), поскольку «принципиальной, выверенной основой естественно-научного и социального познания, как отмечается в Резолюции XXVII съезда КПСС, была и остается диалектико-материалистическая идеология. Ее нужно и дальше творчески развивать, умело применять в исследовательской работе и общественной практике» (3).

Проблема противоречия сложна и многоаспектна, ее исследование — необходимое условие и предпосылка решения многих проблем разработки самой теории материалистической диалектики. При общности основных положений, разделяемых всеми марксистами, в решении ее конкретных вопросов имеется немало и спорного.

Следует особо подчеркнуть органичную связь позитивной разработки проблемы противоречия с эффективностью методологического применения принципа противоречия в познании и наоборот. Последнее означает, что творческое применение концепции диалектического противоречия как метода познания (анализа) конкретных познавательных процессов, явлений природной и социальной действительности позволяет раскрыть не только сущность исследуемых объектов, но представляет собой важное средство дальнейшего развития самой теории диалектики. Решению этой двуединой задачи посвящен предлагаемый читателю сборник научных статей «Проблема диалектического противоречия. Методологический ас-

пект», подготовленный преподавателями вузов гг. Красноярска и Томска. Не претендуя на исчерпывающее решение обсуждаемых в нем вопросов, авторы, однако, надеются, что этой своей работой вносят посильный вклад как в научную разработку самой проблемы, так и в опыт методологического применения концепции диалектического противоречия в анализе специфических форм познавательной деятельности, конкретных явлений социальной действительности.

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 203.
2. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 3.
3. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 167.

А. Я. Райбекас

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

Характеризуя диалектику как наиболее полное и содержательное учение о развитии, В. И. Ленин выделил понятие диалектического противоречия в качестве ее ядра. Существует значительная по количеству литература, посвященная данной теме. Следует, однако, признать: целый ряд конкретных вопросов все еще носит дискуссионный характер или получил недостаточно последовательное решение, что, естественно, затрудняет позитивную разработку материалистической диалектики как философской теории, и, в частности, такого ее аспекта, как проблема диалектического противоречия (6). Так, дискутируется вопрос, понимать ли диалектическое противоречие как противоречие в одном или в разных отношениях, является ли вообще противоречие отношением, а всякое отношение противоречием? С неоднозначным ответом на эти вопросы связаны утверждения типа: а) «противоречия есть там, где различия становятся противоположностями» (7. С. 20) (понять это положение можно, очевидно, только в одном смысле — «где различия становятся *полярными* противоположностями», ибо всякое различение уже есть противоположение); б) «не всякое соединение противоположностей образует собой «движущее противоречие» (9) (это положение, очевидно, следует понимать как утверждение, что якобы возможно непротиворечивое соединение противоположностей, или что есть противоречия «движущие» и «не движущие»; нетрудно видеть, что подобного рода положения по сути исключают понимание диалектического противоречия как универсального в своей всеобщности «движущего и порождающего принципа» бытия (К. Маркс). В самом деле, только при таком понимании проблемы вопрос «когда, при каких условиях вещи вступают в состояние, чреватое диалектическими противоречиями?» не может показаться более чем странным. Перечень дискуссионных вопросов, касающихся природы диалектического противоречия, можно было бы продолжить.

Трудности, с которыми сталкиваются исследователи в анализе проблемы противоречия, заключаются, на наш взгляд,

в том, что природа диалектического противоречия обсуждается зачастую в рамках системы категорий лишь поверхностно (формально) соотнесенных с категорией «вещь», т. е. вне рассмотрения объектной диалектики бытия материальной вещи. Надо при этом подчеркнуть: речь идет по сути о системе категорий вещь—свойство—отношение, центральное, базовое положение в которой занимает категория «вещь», ибо только вещи обладают относительно самостоятельным бытием; свойства же и отношения суть свойства и отношения вещей; что, однако, не исключает, а, напротив, предполагает их единство, взаимопереход (см.: 8). Именно анализ объективной диалектики бытия материального мира как мира совершающих процесс вещей создает наиболее благоприятные предпосылки для последовательного рассмотрения проблемы диалектического противоречия, разработки диалектики как философской теории развития.

Остановимся на вопросе о том, всякое ли различие содержит в себе противоречие. Ответ на него означает, в сущности, выяснение того, в каком вообще смысле справедливо положение о диалектически противоречивой природе бытия всякой материальной вещи. При этом под вещью будем понимать любой фрагмент материальной действительности, объективно выделяемый как некая *определенная* реальность, нечто (8. С. 131).

«Нечто, — отмечал В. И. Ленин, — значит не то, что другое» (3. С. 99), отличенное (или различенное) от всякого иного существования (определенной реальности, вещи). Эту свою определенность (а вместе с ней, стало быть, и свое существование) вещи обретают и обнаруживают в отношениях с другими вещами. Именно поэтому, как утверждал Гегель, «отношение есть истина всякого существования» (4. Т. 1. С. 226), суть объективный момент бытия реальной вещи. К тому, что́ нужно понимать под отношением вещей, мы ниже еще вернемся, сейчас же важно отметить: уже из сказанного хорошо видно — бытие всякой реальной вещи оказывается возможным лишь как бытие мира вещей, т. е. только соотнесенное с бытием других вещей; обнаруживая в этих отношениях друг с другом свою определенность, вещи устанавливают тем самым свои *различия* друг от друга, и, следовательно, всякое *различие существует лишь в отношении, есть отношение.*

Невозможно обладать определенностью, не сохраняя и не обнаруживая ее в соотношении с другими вещами. С этой особенностью бытия вещи связано то, что всякая вещь ха-

рактеризуется двоякого рода определенностью: определенностью, которая представляет вещь как некоторое нераздельное единство (единицу), целостность, т. е. качество вещи, и определенностью, обнаруживаемой вещью в данном конкретном отношении с другой вещью — свойство. Диалектика бытия реальной вещи такова, что лишь будучи опосредована отношениями с другими вещами, данная вещь сохраняет качественную определенность, обнаруживая ее как единство многообразия своих внешних определений — свойств. Качество есть внешнее выражение внутреннего единства вещи — ее субстанциональной основы (сущности) и, будучи определенностью вещи в целом, определяет (и выражает) границу ее бытия. Более детальное рассмотрение диалектики процесса возникновения и функционирования вещи позволяет сделать вывод, что условия генезиса основания (сущности) вещи выступают вместе с тем и необходимыми условиями ее существования (см.: 8). Это означает: свойство вещи есть то, в чем сущность наличествует как основание — в этом смысле свойства суть положенные моменты субстанциальной основы (сущности) вещи; однако сущность наличествует в данных свойствах лишь как обусловленное основание. Свойство вещи можно, стало быть, рассматривать как особенное проявление (в рамках конкретного отношения) качества вещи, а следовательно, и ее сущности; только в своем свойстве вещь имеет свое отличие от других вещей *. Она существует как существенное единство в существенном множестве (множестве существенных свойств).

Нетрудно видеть, что соотноситься друг с другом и, таким образом, выявлять свои отличия друг от друга вещи могут лишь по тождественному в них. На это обстоятельство обратили внимание еще философы древности, утверждавшие: «Как только обнаружили различие вещей, мы тотчас установили их тождество» (10. С. 135). Данное соображение является важным для понимания того, что именно в соотношении с иным, с бытием других вещей всякая вещь обретает меру своего бытия, т. е. качественная определенность ее оказывается количественно выраженной. Количественные различия, которые, следовательно, суть различия в степени интенсивности (скажем так) одного и того же качества (свойства), ха-

---

* Следует иметь в виду относительность различия качество — свойство, диалектику их взаимоперехода в полисистемной организации бытия реальной вещи (мира вещей).

рактеризуют, стало быть, *разные меры* наличного бытия объективно разных вещей. Иными словами, количественно разные качества (свойства) — это так же всегда суть *объективно разные* вещи. Существование так называемых количественных различий означает на деле актуальное бытие разных вещей, и вообще, различия вещей устанавливаются в их отношениях друг с другом как различия их мер бытия (а не как только качественные или только количественные различия).

Все сказанное позволяет понять, в каком именно смысле и почему всякая вещь в процессе своего бытия оказывается не тождественной себе и, следовательно, объективно противоречивой. «Единство вещи с самой собой, — утверждал Гегель, — нарушается другими вещами» (4. Т. 4. С. 67). Действительно, пока мы рассматриваем вещи изолировано друг от друга, вне их действительного отношения, взаимодействия с другими вещами, невозможно обнаружить противоречивую природу их бытия (1. Т. 20. С. 123), как, впрочем, и вообще их бытие, ибо оно не выражено, не соотнесено с бытием других вещей.

Что же представляет собой отношение объективно существующих вещей? Выяснение этого вопроса позволит, очевидно, ответить на другой вопрос: является ли всякое отношение противоречием и существует ли противоречие «в одном и том же отношении» или «в разных отношениях»?

Действительно, как было уже отмечено, именно в соотношении друг с другом вещи обнаруживают свои различия, которые, как выяснено, актуально существуют в виде свойств (особенное проявление качественной определенности вещи в рамках данного отношения ее с другой вещью). Различие возможно лишь по тождественному в соотносимых вещах, т. е. как бытие одного и того же, но в качестве другого. Это «одно и то же» соотносимых вещей есть, в силу того, что свойства суть положенные моменты основания (сущности) вещи, тождественные моменты сущностей соотносимых вещей. Но именно в своем соотношении с другими, которое есть ее (данной вещи) «другое», вещь и оказывается не тождественной себе, т. е. отличенной от самой себя в своей сущности и, следовательно, соотнесенной с собой. Хорошо видно, что действительное отношение вещей не есть только внешняя соотнесенность одного с другим, а «суть единство соотношения с собой и соотношения с другими» (4. Т. 1. С. 226). Но в отражении внутренней (сущностной) нетождественности вещи

самой себе (соотношение с собой), существующей, как теперь выясняется, лишь через внешнее соотнесение вещи с другим (другой вещью), и заключается понимание противоречивой природы бытия вещи. В связи с этим Гегель и отмечал: «Противоречие, которое, вообще, имеется в предметной сущности, распределяется между двумя предметами» (4. Т. 4. С. 67).

Учитывая сказанное, можно, таким образом, заключить, что различие (в указанном смысле) пространственно разнесенных сторон отношения есть внешнее проявление внутренней саморазличенности (нетождественности самой себе) каждой из сторон отношения и, стало быть, действительно, «различие вообще есть уже противоречие в себе» (4. Т. 5. С. 509).

Нетрудно видеть: степень различия выражает, соответственно, степень противоположения (противоположности) сторон отношения, достигая своей наиболее развитой формы в полярных противоположностях. Очевидно, это имели в виду основатели материалистической диалектики, утверждая, что «имманентное противоречие получает в противоположностях... развитые формы своего движения» (1. Т. 23. С. 124), характеризуя «противоположность как вершину противоречия» (3. С. 128). Однако, как подчеркивал К. Маркс: «Действительного дуализма сущности не бывает», т. е. нетождественность сущности вещи самой себе следует понимать именно как «перелив», «взаимопереход» противоположных сторон отношения в границах сущности каждой из соотносимых вещей; ведущей стороной внутреннего соотношения вещи самой с собой как отличенной, не тождественной себе будет, очевидно, та, которая выражает качественную определенность этой вещи. Чем глубже внутренняя нетождественность вещи самой себе (чем острее противоречие), тем выше степень различия (и, следовательно, противоположения) ее качественной определенности (свойства) от качественной определенности другой, внешне соотнесенной с ней, стороны отношения.

Приведенные соображения позволяют, на наш взгляд, вполне обоснованно заключить, что всякое отношение объективно существующих вещей, в рамках которых вещи устанавливают и обнаруживают свои различия (свою противоположность), содержит в себе противоречие, есть противоречие. Противоречие имеет место только там, где есть отношение вещей.

Категория отношения как раз и является понятием, отражающим материальное движение (т. е. процессуальную природу бытия мира вещей) как совершающее процесс про-

тиворечие, схватывая самую его (движения) суть (8. С. 135). «Отношения (=переходы =противоречия) понятий» — таково, по словам В. И. Ленина, «...главное содержание логики, отображающей в содержании и движении понятий объективную диалектику вещей» («явлений мира, природы») (3. С. 178).

Сказанное о природе отношения позволяет также вполне обоснованно заключить, что границы противоречия определяются границей (мерой) определенностей (различия) сторон отношения, выявляемой в рамках именно данного конкретного отношения. Иными словами, диалектическая противоречивость действительного бытия вещи (вещь как единство противоположностей, конкретное тождество) имеет разумный смысл лишь в рамках определенного отношения, т. е. только как единство противоположностей в *одном и том же отношении*. Это, конечно, не исключает, а, напротив, предполагает, что бытие всякой реальной вещи (вещь как существенное единство в существенном множестве), наряду с коренным противоречием может быть охарактеризовано наличием еще целого ряда ее сущностных противоречий.

При рассмотрении диалектического противоречия зачастую упускают из виду, что «жизнь» противоречия представляет процесс, имеющий, соответственно, свою временную ритмику. Данное положение становится более очевидным, как только удается показать: всякое материальное отношение вещей носит характер взаимодействия (т. е. сопровождается передачей энергии и вещества) и внешне обнаруживает себя в форме их (вещей) взаимного изменения. Действительно, именно «в изменении обнаруживается внутреннее противоречие, которым наличное бытие страдает с самого начала и которое заставляет последнее выходить за свои пределы» (4. Т. 1. С. 160). Имея это в виду, можно сказать, что материальное отношение, иными словами, взаимодействие вещей, есть способ, посредством которого существует (и обнаруживает свое существование) диалектическое противоречие.

Следует особо подчеркнуть: диалектическое противоречие не существует не разрешаясь; иначе говоря, наличие противоречия означает наличие настоятельного требования его снятия, разрешения — перехода в некий «спокойный» результат, обнаруживаемый в виде изменений, которые претерпевают вещи в процессе взаимодействия друг с другом. На эту особенность бытия диалектического противоречия обращал внимание К. Маркс, отмечая, что «противоречие одновременно и осуществляется и разрешается» (1. Т. 23. С. 114). В про-

цессе своего разрешения противоречие необходимо воспроизводит себя как противоречие, создавая, таким образом, форму своего бытия как движения (процесса). Длительное существование данного противоречия определяется непрерывностью циклов его частичного разрешения, в каждом из которых оно воспроизводится как «то же самое» противоречие. Время (t) такого элементарного цикла воспроизводства разрешающегося противоречия определяется параметрами (константами) взаимодействия (материального отношения) вещей, реализующего данное противоречие. Наличие так называемых мировых констант типа «конечности скорости взаимодействия» (C=const), «кванта действия» (постоянная Планка — h) и других, характеризующих физические взаимодействия материальных систем (вещей), образующих фундамент более высоко организованных структурных уровней материи, служит достаточно наглядным проявлением этой противоречивой дискретно-непрерывной природы бытия движущейся материи как мира совершающих процесс вещей. Например, если (с точки зрения существующих в современной физике представлений) для взаимодействия структурных элементов атомного ядра (нуклонов: протон-нейтрон), осуществляемого посредством виртуальных мезонов, это время составляет 10^{-23} сек, то для такой сложной системы как, скажем, капиталистическое производство (процесс воспроизводства коренного противоречия капитализма рассмотрен К. Марксом в рамках выделенных им циклов: Т—Д—Т и Д—Т—Д) оно составляет (в каждом конкретном случае) возможно часы, месяцы и даже годы.

Все сказанное дает ответ на вопрос, может ли существовать «еще не разрешимое противоречие» и в каком именно смысле. Очевидно, только в одном — как еще *полностью* не разрешенное данное противоречие. Однако надо иметь в виду, что движение (развитие) противоречия к своей наиболее полной форме разрешения есть история его «жизни», представляющая собой непрерывную цепь следующих один за другим циклов его (противоречия) относительного (частичного) разрешения, в каждом из которых оно воспроизводилось как *это* противоречие. Так или иначе неразрешаемых противоречий не существует. Рассмотрение динамики «жизни» диалектического противоречия, которая, как мы стремились показать, есть динамика бытия всякой материальной вещи, позволяет выделить еще одну, принципиально важную черту диалектического противоречия, а именно: разрешение проти-

воречия всегда приводит к некоему *новому* результату, носит порождающий характер. Противоречие, по словам Гегеля, представляет собой постоянно воспроизводимое единство возникновения и прехождения (см.: 5. С. 166), в силу чего «результат противоречия не есть только нуль» (3. С. 122), и проявляется в изменении, в целом или отчасти, качественной определенности взаимодействующих вещей, отражаясь в известном положении диалектического материализма: «Вещи не есть, а становятся».

Вещи не существуют «от века» неизменными; они производят и обусловливают другие вещи, очевидно потому, что сами произведены и обусловлены, т. е. имеют условия своего порождения и существования в других вещах, в их взаимодействии друг с другом.

Рассмотрим такой тип генезиса новой вещи, когда процесс ее порождения (в силу сложившихся условий) весьма скоротечен*. Для большей наглядности и простоты рассуждений возьмем взаимодействие трех вещей (А, В и С); остальные вещи, с которыми взаимодействуют А, В и С, суть условия их существования (и, стало быть, условия их взаимного отношения друг с другом: А—В—С). Предположим, что условия взаимодействия А—В—С резко и существенным образом изменились. Это приведет к изменению условий существования и, следовательно, к разрешению коренного (для каждой из соотносящихся в этом взаимодействии (А—В—С) вещей) противоречия. Легко видеть: в рамках совокупного взаимодействия А—В—С вещи взаимно связаны друг с другом так, что разрешение противоречия в каждой из них (отношения А—В, В—С, С—А) приводит к такому взаимно соответствующему изменению сторон отношения (взаимодействия), установление которого и означает возникновение нового, более органичного их единства (взаимной связи); последняя и служит основанием генетически нового для рассматриваемых вещей А, В и С отношения. Стороны отношений А—В—С, породившие эту новую связь друг с другом, потеряли свою былую самостоятель-

---

* Видимо, именно такой тип порождения новой вещи характерен для процессов, происходящих в фундаменте организации материального мира (физическая и химическая формы движения материи). Другой тип генезиса новой вещи носит более постепенный характер и связан с развитием (в ходе расширенного воспроизводства коренного противоречия) уже функционирующей вещи. Примером этого типа генезиса новой вещи (материальной системы) может служить история эволюции органического мира или история развития человеческого общества.

ность и независимость и выступают в роли структурных элементов организации новой вещи. В силу теперь уже сущностного единства (существенной связи по отношениям А—В—С) измененные стороны отношения взаимодействуют с окружающими их вещами (условиями) не самостоятельно и не непосредственно (как прежде), а опосредованно — через это, появившееся у них сущностное единство друг с другом. Так генетически новая связь вещей обнаруживает свое существование.

Если теперь условия существования вещей А, В и С (условия их взаимодействия) остаются какое-то время относительно неизменными (с точностью до неизменности меры вещей, образующих данные условия), то противоречия, имеющие место в рамках совокупного взаимодействия А—В—С, будут воспроизводиться как *те же самые* противоречия, обеспечивая (своим воспроизводимым результатом) воспроизводство (порождение) и того нового единства сторон взаимодействия, которое выступает таким образом уже как *сохраняющееся единство*, как *основание* новой вещи.

Легко видеть: именно в силу того, что один и тот же конечный ряд вещей служит условием и генезиса, и функционирования новой генетической связи вещей А—В—С, последняя воспроизводится (самопорождается) и тем самым сохраняется как основание (сущность) новой вещи. В процессе порождения основания вещи условия отрицаются, снимаются возникающим основанием до положения собственного момента основания (сущности); с другой стороны, возникшее основание отрицается условиями, которые теперь уже суть условия его существования. Так, условия и основание в своем диалектическом единстве образуют целое (систему), иными словами, вещь.

Как самопорождающееся основание вещи сущность соотносится сама с собой через свое отношение с условиями ее обнаружения (проявления) и, таким образом, различая самую себя, получает тем самым определенность основанного (того, что вышло из недр условий) — качество; в процессе же своего полагания условиями (проявление сущности) сущность получает определенность основы — свойства; свойство есть проявление (обнаружение) качественной определенности вещи в данном конкретном отношении. Вот почему лишь в своем свойстве и, следовательно, в самой сущности вещь имеет свое отличие от других вещей, а качественная определенность вещи не сводима к сумме ее свойств.

Диалектико-материалистическое рассмотрение генезиса и функционирования всякой материальной вещи со всей очевидностью показывает, что материальные вещи «изначально» (по самой своей природе) противоречивы и уже в силу этого объективно не могут находиться в состоянии, не «чреватом» диалектическими противоречиями.

Только последовательно реализуя диалектико-материалистическое понимание бытия реального мира как мира совершающих процесс вещей, можно в полной мере выявить познавательную и методологическую роль диалектического противоречия именно «как движущего и порождающего принципа» (2. С. 627).

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1958.
3. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29.
4. Гегель. Сочинения в 14 т. М.—Л., 1929—1959.
5. Гегель. Наука логики. М., 1970. Т. 1.
6. Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979. (Над чем работают, о чем спорят философы).
7. Ким В. В. Различие и противоречие // Проблемы диалектики. Л., 1973. Вып. 3.
8. Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.
9. Режабек Е. Я., Щитов А. А. Категория противоречия и ее роль в теории познания // Философ. науки. 1985. № 3.
10. Платон. Сочинения. М.: Мысль, 1970. Т. 2.

Н. М. Чуринов

ИНФОРМАЦИОННАЯ РЕАЛЬНОСТЬ КАК ПРОТИВОРЕЧИЕ ОТНОШЕНИЯ И СВЯЗИ

Выдающимся феноменом в сфере научного познания последних десятилетий явилось теоретико-информационное творчество, имеющее в своей основе математический, формально-логический, абстрактно-семиологический характер. Такой ха-

рактер феномена показывает, что учение об информации на первых порах развивалось в существенной мере за счет заимствования из соответствующих теорий терминологического аппарата и системы дедуктивных построений. Однако постепенно начал складываться определенный потенциал знания, и посредством его указанное теоретико-информационное творчество стало превращаться в одну из ветвей формализации, математизации знания. В данном случае — знания о реальности, называемой нами информационной реальностью. В настоящее время проблема информационной реальности — это проблема переосмысления накопленного теоретического и эмпирического материала, освещающего виды, свойства, функции информации, раскрывающего единство знания и информации, информации и метаинформации, информации и коинформации, информации и негэнтропии и т. д. Проблема информационной реальности есть также проблема информационного пространства и информационного времени, информационных процессов, потоков, информационных полей и волн, информационных связей и отношений. Под информационной реальностью будем понимать реальность (объективную и субъективную) как нечто, представляющее диалектическое противоречие (тождество развития и единства мира) и обнаруживающее свою противоречивость в системности организации, в сложности, упорядоченности, разнообразии, структурности и т. п.

Исследование информационой реальности непосредственным образом связано с практикой передачи, переработки, хранения, поиска и использования информации, т. е. с тем, что мы называем информационными связями и отношениями, а также способами существования информационной реальности и информационными процессами. В этом смысле весьма характерными оказываются выдвинутые в работах В. Г. Афанасьева, В. С. Готта, А. Д. Урсула идеи об информации, как о том, что передается в процессе отражения от предмета к предмету, а также о хранении информации во времени. Первая из двух идей, по нашему мнению, характеризует передачу информации в виде информационной связи, а вторая раскрывает передачу информации как информационное отношение, непосредственной формой реализации которого оказывается хранение информации — информационная связь. Действительно, хранение информации, представленное в качестве передачи информации во времени, выявляет тот аспект тождества хранения и передачи, при котором передача информации

(связь) исключается, а хранение информации выступает одним из приближений передачи: информационная связь предстает как приближение информационного отношения.

Представление об отношении всеобщей связи в рамках информационной реальности предполагает также представление о всеобщей связи информационных отношений. Так, определенное единство информационных связей в системе может быть рассмотрено в качестве многообразия приближений одного и того же информационного отношения. В свою очередь, единство информационных отношений в системе можно определить как многообразие приближений некоторой информационной связи. Очевидно, что в информационной системе могут быть выделены оба этих единства, поскольку согласно дефиниции всякая система есть некоторое тождество связей и отношений между элементами. В том и другом единстве мы видим, так сказать, многообразие путей, форм, при помощи которых информационные связи и информационные отношения стремятся превратиться друг в друга и препятствуют такому превращению. В этом плане существенно, что «материальное движение, описанное на уровне явления, отображается с помощью понятия взаимозависимости, связи; принятое на уровне сущности — с помощью понятия отношения» (3. С. 141). Отсюда в первом из двух отмеченных единств различается многообразие проявлений сущности, т. е. информационного отношения, а во втором единстве — существенность явлений (информационной связи) во многих отношениях.

Рассмотрение двух указанных единств важно для изучения своеобразной полевой стороны информационной реальности. Здесь первое единство мы называем полем информационных связей, а второе — полем информационных отношений. Каждое из двух полей в различных системах или в одной и той же системе обнаруживает собственное многообразие. Например, поле информационных связей имеет следующие разновидности: поле форм передачи информации, поле форм переработки информации, поле форм хранения, поле форм использования информации и т. д. Среди разновидностей поля информационных отношений можно выделить: поле отношений передачи информации, поле отношений переработки информации, поле отношений хранения, поле отношений использования информации и т. п. Иными словами, в зависимости от того, какое информационное отношение лежит в основе единства информационных связей, таким предстает и

разновидность соответствующего поля. Аналогично, в зависимости от того, какая именно информационная связь раскрывает свою сущность в тех или иных информационных отношениях, таким является и поле информационных отношений.

В деле изучения единства информационной связи и информационного отношения, по нашему мнению, особое место принадлежит анализу связи и отношения информации и метаинформации. Этот анализ проводился в работах А. И. Берга, Ю. И. Черняка, В. С. Готта, А. Д. Урсула, Ю. А. Шрейдера, Д. И. Блюменау и др. Чаще всего метаинформация определяется как информация об информации, хотя рассматривая отношение и связь информации и метаинформации, есть основания предположить, что метаинформация — противоположность информации. Во всяком случае, в соответствии с принципом материального единства мира, с информационной реальностью может взаимодействовать, соотноситься, быть связанной только информационная реальность. Отсюда, под информационной связью и одновременно под информационным процессом мы будем понимать связь информации и ее противоположности (метаинформации), под информационным же отношением и одновременно под способом существования информационной реальности — отношение указанных противоположностей. Так что передача, хранение, поиск, переработка, использование информации и т. д. предстают как различные проявления отношений и связей данных противоположностей, а также в качестве различных форм информационных процессов и способов существования информационной реальности. Действительно, то, что передает, хранит, перерабатывает информацию, может быть не чем иным, как противоположностью информации, которую мы и называем метаинформацией.

Отождествление информационных связей и информационных процессов, информационных отношений и способов существования информационной реальности проводится нами с точки зрения единства бытия и существования информационной реальности. Согласно В. И. Ленину, бытие всегда непосредственно, существование же отличается от бытия своей опосредствованностью. Полагаем, что в информационных процессах раскрывается непосредственность бытия информационной реальности, а в способах существования— ее опосредствованность. И здесь мы выделяем два информационных поля: поле информационной системы как совокупности разнообразных информационных процессов и поле — совокупности

способов существования информационной реальности. Непосредственность и опосредствованность информационной реальности, выраженная в двух данных полях, показывает, что в информационных процессах и способах существования развернута противоречивость определенной формы движения материи, а именно той формы, которая соответствует уровню развития материи. И не случайно, во-первых, В. И. Ленин пишет, что «деятельность есть «противоречие» (1. Т. 29. С. 217), а, во-вторых, что на социальном уровне передача, хранение, переработка, использование информации и т. д. выступают как разновидности человеческой деятельности, различным образом опосредствующей человеческий мир и в соответствующем плане выражающей его опосредствованность.

По нашему мнению, наиболее законченным представлением о единстве полей информационных процессов и способов существования информационной реальности является представление о единстве закрытости и открытости информационной системы. Она выступает как открытая система в той мере, в которой ее существование обусловлено непрерывным обменом информацией с внешней средой. Та же система реализуется как закрытая система постольку, поскольку ее самореализация осуществляется за счет внутренних ресурсов, например за счет памяти, и функционирует по принципу «запрос — ответ». Характерно, что как раз в этом плане дана одна из первых классификаций информационных полей: статистическое информационное поле — процесс хранения информации, фиксирования прошлой информации и связанное с обменом информацией и процессом передачи информации динамическое информационное поле (см.: 2. С. 32). Закрытость информационной системы представлена, в частности, полем информационных процессов, а ее открытость — полем способов существования информационной реальности: именно обмен информацией опосредствует информационную систему, задает способы существования информационной реальности, а в плане «запрос — ответ» раскрывается непосредственность системы, поле информационных процессов.

Мы разделяем ту концепцию различения связи и отношения, которая, исходя из единства бытия и существования, утверждает, что отношение отличается от связи своей опосредствованностью, связь же всегда непосредственна. По-видимому также имеют место другие отличия связи от отношения. Опосредствованность отношения и непосредственность связи свидетельствуют о том, что каждому уровню развития мате-

рии соответствуют свои отношения, свои связи и что последние вызваны к жизни и раскрывают богатство определенной формы движения материи. Отсюда разновидностью общественных отношений и связей являются социально-информационные отношения и связи, поскольку реализация их определяется человеческой деятельностью, а передача, хранение, переработка, использование социальной информации предстают как информационные отношения и связи в обществе. Поэтому в той мере, в которой содержание человеческой деятельности раскрывается как содержание субъектно-объектного отношения и субъектно-объектной связи, передача, хранение, переработка, использование социальной информации оказываются различными проявлениями данного отношения и связи.

Мы полагаем, что различение двух пар информационных полей раскрывает основные аспекты реализации связей и отношений в пределах информационной системы. Если рассматривать информационную систему как аддитивную систему, то она будет представлять собой тождество поля информационных процессов и поля способов существования информационной реальности. Когда же информационную систему рассматривают как неаддитивную систему, тогда успеху исследования может реально послужить анализ тождества ее поля информационных связей и поля информационных отношений. Изучение закрытости информационной системы может быть проведено на основе установления единства поля информационных процессов и поля информационных связей, а изучение ее открытости — на основе единства поля информационных отношений и поля способов существования информационной реальности. При этом единство полей закрытости информационной системы мы определяем как внутреннее информационное поле, а единство информационных полей ее открытости — как внешнее.

Выделение внутреннего и внешнего информационных полей связано главным образом с раскрытием содержания информационной системы в плане единства ее бытия и существования: внутреннее информационное поле непосредственно, т. е. оно реализуется благодаря многообразию связей информации и метаинформации, объекта и субъекта; внешнее же информационное поле системы — опосредствовано, т. е. обнаруживает многообразие их отношений.

Обращает на себя внимание динамика информационных полей, взаимообусловленность и взаимоисключение внутрен-

него и внешнего информационного поля, открытости и закрытости информационной системы. Дело в том, что согласно второму закону термодинамики функционирование информационной системы как закрытой системы неизбежно влечет за собой уменьшение ее многообразия, в том числе и многообразия внутреннего информационного поля, многообразия поля информационных связей, поля информационных процессов. Уменьшение многообразия информационных полей означает: информационная система исчерпывает свои внутренние ресурсы, т. е. происходит ослабление и уменьшение количества информационных процессов и связей. Уменьшение многообразия реализуется в рамках определенного информационного отношения. Таким образом, информационные поля процессов и связей не перестают быть полями форм передачи информации или полями форм переработки информации и т. п. Значит, многообразие закрытости информационной системы ограничено определенным информационным отношением, это и называется ограничением многообразия.

Ограничение и уменьшение многообразия полей закрытости информационных систем представляют собой характеристики диалектического единства информационного отношения и информационной связи. Они показывают: уменьшение многообразия информационного поля может доходить до предела, за которым следует скачок. В результате скачка, например, на месте поля форм переработки информации возникает поле форм передачи информации, с присущим ему максимумом многообразия. Отсюда, если уменьшение многообразия поля закрытости информационной системы является количественной характеристикой, то ограничение многообразия — качественной характеристикой поля. И вместе с тем это есть количественная и качественная характеристики соответствующего аспекта диалектики информационной связи и информационного отношения. Поля открытости информационной системы определяются как внешнее информационное поле, поле информационных отношений, поле способов существования информационной реальности, а также поле отношений передачи информации, отношений переработки информации и т. п. Роль этих полей в информационной системе многообразна: они сдерживают уменьшение разнообразия полей закрытости информационной системы или, напротив, способствуют его уменьшению, регулируют, контролируют его. Выполнение названных функций вовлекает информационную реальность в процесс обмена информацией. Причем информационные по-

ля открытости системы придают определенную специфику обмена информацией, в результате чего информационная система особенным образом самовоспроизводится, самообновляется. По-видимому, имеет существенное значение в плане какого именно поля информационных отношений (отношений передачи информации, переработки информации и т. п.) происходит, так сказать, замена строительного материала информационной системы. Здесь характер информационного поля задает особенности процесса обмена информацией, его форму.

Своеобразной количественной характеристикой открытости информационной системы является скорость обмена информацией. Качественной же ее характеристикой служит устойчивость скорости обмена информацией. Действительно, определенной форме обмена информацией, определенному полю информационных отношений соответствует своя устойчивая скорость обмена информацией. И всякое отклонение от устойчивой скорости, от некоторой ее величины неизбежно влечет за собой вырождение реальности информационной системы, воспроизведение неполноценных ее компонентов. В то же время неустойчивость скорости обмена информацией свидетельствует о том, что информационная система, функционируя в рамках данного поля информационных отношений, испытывает затруднения и что она находится на грани снятия этого поля другим путем информационных отношений, данной формы обмена информацией другой его формой в зависимости от изменений внешней среды.

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
2. Новик И. Б. Философские идеи Ленина и кибернетика. М.: Знание, 1969.
3. Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.

П. В. Полуян

О ПРИМЕНИМОСТИ ЛОГИКИ ПРОТИВОРЕЧИЯ В ФИЗИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Одним из направлений советской философской мысли является разработка материалистической диалектической логики. В русле этого направления на рубеже 60-х годов сформировалась своеобразная исследовательская программа. Была выдвинута задача: сформулировать строгую систему диалектической логики (систему категорий и принципов), соответствующую современным требованиям науки, отражающую развитие природы и общества. Частная теория — политэкономия «Капитала» — рассматривалась как научный идеал, где познание развивающейся системы предполагает сознательное применение принципов диалектической логики и, в первую очередь, логической формы противоречия. К такому идеалу, по мнению сторонников данной исследовательской программы, должны стремиться и другие частные науки: физика, биология и др. Но предпосылкой их диалектизации должен стать развернутый анализ диалектических логических форм и их философских основ. Для этого было сделано немало (см., например: 1, 2, 3). Особенно глубоко разрабатывалась логическая форма диалектического противоречия, строилась целостная логика противоречия — система принципов, определяющих статус внутритеоретических противоречий, содержательных антиномий и правила их разрешения, когда теория обогащается новыми понятиями, предмет приобретает новые существенные определения, что отражает диалектику развития от простейшей (абстрактной) «клеточки» к сложно расчлененной конкретности (см.: 4, 5, 6, 7). Поставленная задача была в какой-то мере разрешена. Но не стоит забывать, что, как отмечал Э. В. Ильенков, «создание «Логики», понимаемой как система категорий, составит только этап. Следующим шагом должна быть реализация логической системы в конкретном научном исследовании. Ибо окончательный продукт всей работы в области философской диалектики — решение конкретных проблем конкретных наук» (1. С. 318). В этой области наметились серьезные трудности, ведь в частных науках использовали общепринятые традиционные

логические формы, поэтому принципы логики противоречия не могли найти точки приложения, а наиболее консервативной наукой оказалась, как ни странно, физика. В ней, в отличие, скажем, от биологии, эволюционный стиль мышления еще не стал господствующим, принцип развития применяется ограниченно, в основном на уровне моделирования отдельных явлений. Естественно, что и принципы логики противоречия, неразрывно связанные с диалектикой развития, не стали для физиков необходимым логическим инструментом. М. Бунге справедливо отмечает в «Философии физики»: «Логикой, на которой построено здание почти всей математики и всей физики, является именно обычное исчисление предикатов... Другими словами, даже квантовая теория не изменила нашу логику», если бы это было не так, «то квантовая теория имела бы совершенно другой математический формализм» (8. С. 196). В то же время сторонники названной исследовательской программы постоянно противопоставляли логику противоречия принципам и законам формальной логики. Логически противоречивая форма — антиномия, запрещенная в последней, в первой считалась единственно адекватным способом выражения противоречивой логики развития вещей. Понятно, что для строгой науки физики любая форма противоречивости в теории была неприемлема. Не случайно немецкие исследователи пишут: «В философской литературе зачастую утверждается, что действие противоречий в физических процессах не обнаруживается» (9. С. 628), «измерительная наука не может охватить мир в его тотальности... из особенных определений физики вытекает, что физическая наука не может непосредственно отразить историчность» (10. С. 643). В советской философии также отмечено: «Физик... более склонен к статичным представлениям и привык мыслить не в терминах ИСТОРИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА, а в терминах ЛОГИЧЕСКОГО НАЛИЧИЯ...» (7. С. 185). На наш взгляд, упрекать физиков за пристрастие к традиционным логическим формам — занятие малополезное. Более интересно задаться вопросом: пригодны ли для физики принципы логики противоречия? Здесь есть ряд трудностей, нуждающихся в преодолении. Но нашему мнению, то философское понимание диалектической логики, которое выработано в рамках обозначенной исследовательской программы, затрудняет применение в естествознании указанных логических принципов. Представляется, что конструктивному использованию логики противоречия в физике мешают три философские установки:

1) установка на существование одного, основного определяющего всю данную форму движения, исходного противоречия; 2) на окончательность и закрытость диалектической теории; 3) неправомерная онтологизация логической формы противоречия. С нашей точки зрения, диалектическая логика противоречия применима в решении любой частной конкретно-научной задачи, где возникает необходимость отразить объективное развитие, процессуальность бытия вещи. Ниже мы покажем на примере, как логика противоречия «работает» в физике *.

В современной астрофизике имеется так называемое «неклассическое направление», объясняющее эволюцию космических объектов нетрадиционным образом: космические объекты на разных уровнях структурной иерархии во Вселенной возникают в ходе последовательной «фрагментации плотного или сверхплотного вещества» (16. С. 24). Напомним, что классическое объяснение диаметрально противоположно — объекты возникают в процессе сжатия диффузного вещества (газопылевых облаков). Ядром неклассической концепции является гипотеза о сверхплотном дозвездном протовеществе, обладающем взрывчатой активностью. «Неклассическая концепция остается пока полуэмпирической схемой, а не математически разработанной теорией» (11. С. 38), и в первую очередь потому, что природа сверхплотного вещества (СПВ) неизвестна, неизвестен и механизм его взрывчатой активности. Более того, сторонники данного направления указывают, что для понимания природы СПВ недостаточно современных физических представлений и сформулированных на их основе законов физики. Тем самым принципиально закрывается путь для теоретического моделирования СПВ, так как традиционный метод физики — модельный конструктивизм — состоит в построении теоретических моделей явлений на основе знания фундаментальных физических законов, где конструктивными элементами служат представления о свойствах известных полей и микрообъектов. Неклассическая концепция в астрофизике оказывается в положении, в котором на начальных этапах развития была сама физическая наука. Основой,

---

* Говоря о применении логики противоречия в частной науке, мы отдаем себе отчет в том, что *диалектика* как философское учение шире и глубже, чем ее логическое выражение — по необходимости относительное и исторически обусловленное.

например, механики служили определенные идеализации, построенные из самых общих соображений (материальная точка, абсолютные пространство и время, скорость, ускорение, сила и т. п.). В нашем случае ситуация аналогична: предлагается понять СПВ, объяснить его взрывчатую активность, не привлекая никаких данных из специальных разделов физики (субатомная и атомная физика, квантовая механика, электродинамика и пр.). Решение этой задачи требует, разумеется, особых подходов и нетривиальных методов, более того — В. А. Амбарцумян и В. В. Казютинский высказывают мысль, что революционные изменения, наблюдаемые в астрофизике, могут потребовать «смены логико-методологических принципов, стиля мышления и логического строя науки...» (11. С. 22).

На наш взгляд, логико-методологические принципы современной физики действительно не позволяют отразить внутреннюю самоактивность физических объектов, отразить процессы развития. С другой стороны, здесь должны найти самое широкое применение методы диалектической логики, и в первую очередь — принцип формулирования и разрешения содержательных внутритеоретических противоречий. Покажем на примере задачи СПВ, как логику противоречия можно использовать в физической науке. Нестабильность сверхплотного дозвездного вещества можно качественно объяснить на основе самых общих предположений об энергетическом обмене тела СПВ в состоянии энергетического равновесия с окружающей средой. Причина «фрагментации», взрывообразной самоактивности СПВ в том, что в состоянии энергетического равновесия объект СПВ поглощает извне больше энергии, чем он может излучить вовне через данную поверхность, — это и приводит к фрагментации первоначально целостного объекта, к распаду, взрыву *. Однако такое объяснение — только описание процесса в физически ясных терминах. Для раскрытия механизма нам понадобится формулировка определенных идеализаций и применение логики противоречия.

Логично предположить, что сверхплотность вещества делает тело абсолютно поглощающим, т. е. ни электромагнитное излучение, ни иные носители энергии не могут, войдя в тело СПВ через его поверхность, не поглотиться внутри. Вовне излучается только ранее поглощенная энергия. Иначе гово-

---

* Похожим образом в биологической теории роста обосновывается необходимость деления растущей клетки (см. :12).

ря, тело СПВ должно удовлетворять условиям абсолютно черного тела (см.: 13. С. 10) и может быть представлено в виде модели — сфера с отверстием, поглощающая излучение своей внутренней поверхностью тела, а внутренняя поверхность сферы есть как бы суммарная поверхность поглощающих элементов тела СПВ (их природа нам не известна, можем условно именовать их «атомы»). Именно эти поверхности участвуют в энергетическом обмене.

Предлагаемая идеализация имеет смысл не только в

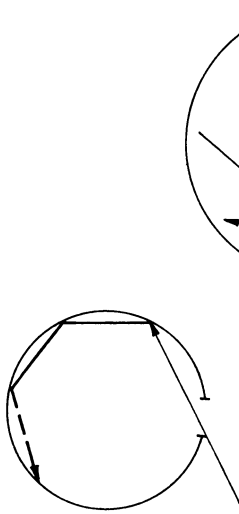

Рис. 1

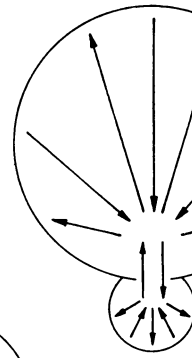

Рис. 2

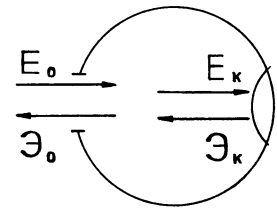

Рис. 3

$$\left.\begin{aligned} E_0 &= Э_0 \\ E_к &= Э_к \\ E_0 &= Э_к \end{aligned}\right\} (1) \qquad \left.\begin{aligned} Э_0 &= \frac{Э_к(N-1)}{N} \\ E_к &= \frac{Э_к(N-1)}{N} + \frac{E_0}{N-1} \\ \Delta E &= \frac{E_0}{N} \end{aligned}\right\} (2) \qquad \left.\begin{aligned} E_0 &> Э_0 \\ E_к &> Э_к \\ Э_0 &< E_к \\ E_0 &= Э_к \end{aligned}\right\} (3)$$

контексте нашей задачи. Она позволяет построить своеобразную теоретическую модель физического мира, основание которой — представление об энергетическом обмене физических тел между собой (см. рис. 1, 2). Здесь малая сфера — это любое физическое тело, представленное по модели, предлагаемой выше, а большая сфера — суммарная площадь всех физических тел мира. Каждый элемент поверхности большой сферы представим как «вход» в малую (но уже другую) сферу. Тем самым «площадь атомов» физического тела в энергетическом обмене через его поверхность как бы «замыкается» на площадь-поверхность всех физических тел Вселенной *. О соразмерности данных площадей (конечность-бесконечность) судить не будем. Заметим, что идеализация «абсолютно черное тело» имеет довольно широкий смысл. В этом качестве представимо не только СПВ, но и черные дыры, расширяющийся фронт световой сферической волны и некоторые микрообъекты. В нашем случае такая модель-идеализация позволяет логически объяснить нестабильность тела СПВ.

Основное утверждение: тело СПВ необходимо взрывается тогда и только тогда, когда наступает его энергетическое равновесие с внешней средой и внутри него самого. То есть уравниваются потоки энергии: входящая в тело в единицу времени энергия (мы отвлекаемся от природы конкретного энергоносителя) равна выходящей из него, а энергия, излучаемая элементом «внутренней площади», равна поглощаемой им. Необходимость взрыва (фрагментации) целостного тела выводится нами как *разрешение логического противоречия,* возникающего при количественном расчете баланса энергетических потоков. Для расчета баланса важен закон распределения энергии внутри тела. В практической модели абсолют-

---

* Здесь уместно привести две цитаты. Известный русский мыслитель — физик и философ — П. А. Флоренский еще в 1909 году писал: «Энергии вещей втекают в другие вещи, и каждая живет во всех, и все — в каждой» (Цит. по: 14. С. 375). Позднее В. И. Вернадский, анализируя состав земной коры, в «Очерках геохимии» указывал: «Получается впечатление о существовании каких-то правильностей, может быть связанных с материальным обменом между наружными оболочками всех тел космоса. Существование такого непрерывного материального обмена сейчас совсем не учитывается, хотя едва ли можно в нем сомневаться (15. С. 34). Следует сказать, что, как отмечается в философской энциклопедии (16. С. 624), В. И. Вернадский и П. А. Флоренский были представителями так называемого русского космизма — философии, развивающей идею единства Микрокосма и Макрокосма.

но черного тела энергия излучения, проникшего в сферу через отверстие, фактически равномерно распределяется по всей внутренней поверхности и равномерно поглощается ею (см., например: 7. С. 75). Но здесь следует сделать методологически важное отступление, показывающее отличия нашей модели-идеализации от традиционной. В последней равнораспределенность энергии обосновывается ссылкой на симметричность сферы и многократность отражения луча по элементам внутренней поверхности, из-за чего каждый элемент поглощает в конечном счете равную с другими энергию. В нашей модели обоснование иное: внутренняя поверхность — это «площадь» «атомов», и как бы реально энергия внутри тела СПВ не распределялась, мы всегда можем полагать, что в модели элемент поверхности сферы сгруппирован из «атомарных» поверхностей, суммарно поглотивших равную с другими элементами энергию. (Элементу поверхности сферы в реальном теле СПВ может и не соответствовать такая же непрерывная поглощающая «поверхность»). В нашей модели-идеализации и речи нет о многократном отражении какого-либо луча от внутренней поверхности сферы, поэтому в ней обязательно требование полного поглощения вошедшей в сферу извне энергии. В практической модели часть энергии (излучения) после многократных отражений выходит через отверстие назад. Кроме того, в экспериментах с практической моделью полное термодинамическое равновесие не достигается, поскольку сам факт измерения есть уже нарушение равновесия. (Вообще, неполное равновесие — это нонсенс, есть либо равновесие, либо неравновесие). Как известно из истории возникновения квантовой механики, экспериментальные данные Луммера и Прингсгейма существенно расходились с теоретическими расчетами Рэлея и Джинса (см.: 18); учитывая сказанное, можно утверждать, что сравнение экспериментальной и теоретической кривой в этом случае было неправомерно. Теоретические расчеты делались на основе анализа идеализаций. Рэлей писал: «Под полным излучением я понимаю излучение идеально черного тела» (19. С. 164). В реальном эксперименте идеальные условия, естественно, не достигались. Данное обстоятельство, в частности, позволило Джинсу развить своеобразную интерпретацию закона Рэлея-Джинса, основная идея которой — невозможность установления энергетического равновесия вещества и излучения (см.: 20. С. 283—84). По нашему мнению, причиной введения квантовых представлений послужила внутренняя противоречивость

классической идеализации «абсолютно черное тело». В самом деле, нормальное — абсолютно черное — излучение вводилось как равновесное излучение в замкнутой полости (стенки поглощают столько, сколько излучают). Равновесность, взятая актуально, обосновывалась как потенциальная — излученная в некий момент энергия рано или поздно поглотится полностью в серии актов отражения-поглощения. Но все дело в том, что луч обегает сферу, отражаясь под равными углами, следовательно, через равные промежутки времени. В акте поглощения-отражения энергия луча пропорционально делится на отраженную и поглощенную части — его начальная энергия раскладывается в бесконечный ряд. И если в известном парадоксе Зенона «Ахиллес и черепаха» удается исчерпать бесконечное число отрезков за конечное время, так как промежутки времени сокращаются пропорционально уменьшению длин отрезков, то для уменьшающейся энергии луча окончательное исчерпывание не может наступить ни за какое конечное время. Иными словами, актуально принятая равновесность излучения противоречит временной развертке этого процесса — установление равновесия оказывается недостижимым. Однако «почти все исследования по теории излучения основаны на предположении, что черное излучение, каким его придумали Кирхгоф и Больцман и осуществили Вин и Луммер, представляет равновесное состояние в строго термодинамическом смысле», — писал М. Планк (20. С. 284). Он нашел выход из противоречий классической теории излучения, введя представление о кванте энергии — мельчайшей порции излучения данной частоты. В таком случае исчезают и логические парадоксы — монохроматический луч уже не должен бесконечно бегать в полости, теряя энергию, — когда величина его энергии уменьшается до кванта, он поглощается целиком. Сходящийся бесконечный ряд оконечивается. Теоретическая посылка о равновесности излучения и идеальном поглощении приводила при расчетах к выводу о невозможности установления равновесия, к «ультрафиолетовой катастрофе» (Джинс), — выводу о неизбежном переходе энергии тел в коротковолновое излучение. Противоречие устранили признанием дискретного характера излучения*. Учитывая логические

* Интересно было бы предположить, что «ультрафиолетовая катастрофа» некогда имела место в реальности, и что квантованность современных форм излучения — закономерная необходимость не только логическая, но и историческая.

уроки прошлого, мы в нашей модели-идеализации строго полагаем и требуем: излучение (энергия), попавшее внутрь, должно полностью поглотиться внутренней поверхностью, условие равновесия потоков энергии строгое и полное. Вернемся к анализу модели.

На рис. 3 представлены: внешняя поверхность тела СПВ («вход» в сферу, площадка-отверстие), внутренняя поверхность «атомов» (поверхность сферы, за исключением площадки-отверстия), выделена некоторая часть поверхности сферы, равная по площади отверстию (это делается для облегчения расчетов и не принципиально). В расчете баланса, следовательно, будут участвовать: площадка-отверстие и n—1 равных ей частей внутренней поверхности сферы (ее полная поверхность разбивается, таким образом, на n равных частей). Соответствующие потоки энергии (количество в единицу времени): E_0 — входящая через отверстие, $Э_0$ — выходящая через него, $E_к$ — поглощаемая одним из элементов, $Э_к$ — излучаемая им энергия. Поскольку определено равенство площадок, справедливо равенство и для потоков энергии. Получается система равенств (1). Последнее равенство в этой системе обосновано симметричностью модели, так как «с внутренней точки зрения» площадь отверстия является частью полной поверхности сферы и ничем не отличается от других частей. Казалось бы, сделанные предположения вполне естественны, и расчет баланса не таит никаких трудностей. Однако это не так. Из условия полного поглощения следует, что E_0 распределяется только по n—1 элементам внутренней поверхности сферы, ни одна ее часть не должна возвращаться к отверстию и давать вклад в $Э_0$. В то же время $Э_к$ распределяется по *всей* поверхности сферы — равные части попадают и на площадку-отверстие и обратно — на излучающую (поглощаются ею же, не поглотившись другими). Данные соображения приводят нас к формулам (2). Полученные результаты явным образом расходятся с равенствами (1), выражающими термодинамическое равновесие тела СПВ внутри самого себя и с внешней средой, образуется система неравенств (3). (Сохранено только равенство E_0 и $Э_к$). Величина дефицита энергий для потоков через отверстие и через внутреннюю поверхность сферы по результатам вычислений оказывается равной E_0/n. Итак, имеется дисбаланс, «противоречащий» ранее зафиксированным условиям, — «концы с концами не сходятся». Из подобных ситуаций есть традиционный выход: необходимо некоторым об-

разом изменить исходные условия и определения, чтобы противоречие исчезло. В нашем случае можно было бы изменить последнее равенство из системы (1), что позволило бы сохранить первые два как основные для условия равновесия, признав неравенство потоков энергии через площадку-отверстие и равную ей площадку поверхности сферы. К тому же здесь возможна ссылка на реальный процесс: почему поток через единицу поверхности тела должен в состоянии равновесия обязательно быть равен потоку через единицу «площади» внутренних поглощающих элементов? Но нельзя путать реальность и модель-идеализацию! Модель-идеализация обладает своими особыми свойствами, рассмотрение такой модели позволяет глубже понять реальный процесс. Какими бы странными не были ее свойства, сколь бы явно не расходились они с объективными прообразами, модель-идеализацию принимают, если она пригодна для целей познания. Скажем, материальная точка имеет реально невозможные свойства — некая существенная масса точечна, не имеет геометрических параметров, размеров и т. п. В случае СПВ особенности модели не позволяют менять условия равенства всех потоков (модель симметрична, отверстие ничем не отличается от иных частей поверхности). Следовательно, сама модель внутренне противоречива и устранить эти противоречия невозможно, впору отбросить саму модель, объявить ее «неудачной», «непригодной для дела». Но есть иной вариант. Мы продолжим рассмотрение и увидим, как возникшее противоречие находит свое разрешение, а все указанные соотношения равновесия выполняются неким «противоречивым» образом. То есть противоречие войдет в логику рассуждений именно потому, что оно находит свое разрешение, и тем самым соображения, положенные в основание «самопротиворечивой модели», наполняются более глубоким смыслом. Иными словами, мы покажем, как при решении физической задачи применяется логика противоречия.

Энергия, входящая в сферу, больше выходящей из нее через отверстие, разница $-E_0/n$. Дефицита бы не было, если бы входящая энергия распределялась не по $n-1$ элементам, а по всем n, и так, чтоб один из них оказался выходом из сферы, но без нарушения условия абсолютно черного тела. Иными словами, для снятия противоречия необходимо предположить, что часть входящей энергии должна найти среди внутренних элементов поверхности сферы элемент, равный любому из остальных, такой, который и служит частью

внутренней поверхности сферы, и не является ни одним из ее n—1 элементов (будет внешней поверхностью тела, через которую энергия покидает тело и не станет относиться к площадке-отверстию). Тогда обнаруженный дефицит, покидая тело и приплюсовываясь к $Э_0$, тем самым сохраняет равенство входящей в тело и выходящей из него энергий. С другой стороны, для суммарной поверхности поглощающих-излучающих элементов сферы так же не было бы дефицита, если бы нашелся новый элемент, принимающий на себя часть предназначенной им энергии, служа частью этой поверхности, но не являясь ни одним из n—1 элементов. Только найдя этот призрачный элемент мы устраним дисбаланс и разрешим противоречие. Можно ли найти такой элемент, удовлетворяющий всем противоречивым условиям? Можно, если предположить, что в момент, когда требуется выполнение условий равновесия, исходное тело СПВ фрагментируется, распадается на части, т. е. образуется новая поверхность, выступающая в роли искомого призрачного элемента, через нее вовне выходит «лишняя» порция энергии, уравнивая все потоки. Новая внешняя поверхность тела возникает из элементов его внутренней поверхности — ей больше не из чего образоваться. И в момент фрагментации целостного тела мы должны отождествить поверхность тела с частью его внутренней поверхности — логика противоречия позволяет нам это сделать строго последовательно и обоснованно; подчеркнем: отождествить именно в момент фрагментации, т. е. перехода от одного состояния к другому.

Когда мы рассматриваем тело в «спокойном состоянии», то надо четко различать внешнюю поверхность и суммарную поверхность его внутренних поглощающих элементов. Но иное дело — проследить процесс перехода из одного состояния в другое, здесь мы неизбежно должны выделить момент отождествления ранее различенных и строго противоположных определений (внешнее — не есть внутреннее). Для теоретического отражения такого процесса и нужна логика противоречия — инструмент гораздо более точный, чем обычная формальная логика, абсолютизирующая запрет логических противоречий. Заметим, что диалектическая логика разрешает формулировку логического противоречия только в строго определенных случаях, когда этого требует «логика дела» — задача отражения развивающейся, процессуальной действительности. Причем последовательность рассуждений, которая в итоге приводит к необходимости формулирования противоре-

чия, сама по себе «непротиворечива». Формально-логический запрет противоречия, таким образом, работает как запрет произвольных, необоснованных утверждений противоречивой формы (так называемая «тривиальная противоречивость»). Диалектическая логика тем самым ограничивает область действия запрета противоречий и утверждает правомерность и теоретическую продуктивность логической формы противоречия в некоторых строго определенных случаях. С одним из таких случаев мы и столкнулись при решении задачи СПВ.

Исходные условия равновесия в нашем примере выполнены именно благодаря выводу о фрагментации тела СПВ в момент равновесия. Логическое противоречие разрешилось, так как установление нового отношения изменило наши первоначальные представления, и противоречие уже не кажется «столь противоречивым», но тем не менее логическая форма противоречия необходимым образом включена в текст теории, обогатившейся новым представлением — о необходимом распаде первоначально целостного объекта. Очевидно, что для вновь появившихся тел СПВ указанное противоречие вновь воспроизводится (в расширенном масштабе) — начинается новый цикл расчета, который отражает продолжающийся процесс фрагментации тела СПВ, взрыв нестабильного сверхплотного вещества. Сделав ряд дополнительных предположений, можно попробовать рассчитать скорость реакции распада, закон изменения площадей, участвующих в обмене энергий. Здесь возникает ряд тонкостей и новых противоречий. Интерес представляет анализ перехода от одного цикла расчета к другому (имеет место временное перекрытие циклов). Измельчание тела СПВ предполагает предел. Не будет ли этот предел качественным переходом, т. е. превращением абсолютно черного тела (как тела СПВ) в расширяющийся фронт излучения (ясно, что для шарового фронта сохраняется условие абсолютно черного тела)? Мы не коснулись вопросов о причине первоначального установления равновесия, связи выявленного механизма фрагментации и реальных взрывообразных процессов в космосе. Последняя проблема наиболее интересна, ведь взрыв обычно не мыслится как термодинамически равновесный процесс. Можно высказать предположение: процесс распада СПВ есть перекачка равновесного фонового излучения в более высокочастотные формы излучения (своего рода «ультрафиолетовая катастрофа»), однако такое утверждение нуждается в точном доказательстве. Мы

попытались очертить лишь логику решения задачи СПВ. Эта логика оказалась противоречивой.

Здесь может возникнуть возражение: есть ли изложенное выше некий спекулятивный диалектический «фокус»? Не удивительно, если модель, априори противоречивым образом сконструированная, позволила математически обнаружить эту внутреннюю противоречивость! Такое возражение может возникнуть только из-за непривычности применения логики противоречия в физике. В самом деле, когда физик пробует использовать для решения задачи тот или иной математический аппарат, свойства последнего заранее известны. Физик не удивляется тому, что дифференциальное уравнение второго порядка всегда дает решение в виде комплексной экспоненты. Иными словами, применение логики противоречия в физике методологически ничем не отличается от использования любого другого логического, математического аппарата. В этой связи следует сделать важное, по нашему мнению, философское замечание: применение принципов логики противоречия в какой-либо научной теории не гарантирует истинность полученных результатов, подобно тому, как использование логически стройного математического аппарата отнюдь не гарантирует правильность научной теории. Но если тот или иной математический аппарат не «срабатывает» в какой-либо физической задаче, это не свидетельствует о его непригодности вообще. Точно также логическая теория противоречия сохраняет свою работоспособность независимо от успеха делаемых попыток; при этом она остается теоретической системой, открытой для дальнейшего развития. Это касается и реализации логики противоречия в полном объеме: ошибочно думать, что теория может претендовать на звание научной из-за одного только применения логики противоречия, логики, безусловно, передовой. Такая теория может, разрешая противоречия, вводить те или иные новые определения, дедуцировать новые состояния, делать выводы и прогнозы, но может оказаться, что противоречия, взятые за основу, — случайны и несущественны, свидетельствуют только о субъективных установках автора. Единственным критерием всегда остается практика. Форма противоречия — это все-таки форма, как таковая она применима и к неистинному содержанию. И если мы принимаем идею о сознательном введении принципов диалектической логики в частные научные теории, то следует, очевидно, признать: логика противоречия неизбежно должна стать собственно логическим «исчислением», ядром прин-

ципиально новых формальных, математических аппаратов. При этом она должна быть отделена от философской идеологии, защищающей и обосновывающей ее. Говоря о логике противоречия в физической теории, нужно подчеркнуть, что она (логика) может и должна применяться не только и не столько при отражении физической формы движения в целом, но и для теоретического понимания развития отдельных вещей-процессов. «*Физическая реальность есть* не что иное, как *мир эмпирических физических объектов*» (21. С. 228). (Здесь же даются методологические основания диалектического понимания бытия и развития вещи). Логика противоречия — принципы формулирования содержательной антиномии и разрешения ее в различных формах развивающегося понятия (определение, идея, теория) обосновываются не просто ссылками на «аналогичную форму» действительности, а доказываются реальной научной практикой, т. е. применимостью данных форм в научном познании и плодотворностью этого применения.

1. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М.: Политиздат, 1984. (2-е изд.).
2. Батищев Г. С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963.
3. Арсеньев А. С., Бибер В. С., Кедров Б. М. Анализ развивающегося понятия. М.: Наука, 1967.
4. Ильенков Э. В. Диалектика абстрактного и конкретного в «Капитале» К. Маркса. М.: АН СССР, 1963.
5. Философская энциклопедия. «Противоречие». М., 1967. Т. 4.
6. История марксистской диалектики. М.: Мысль, 1971.
7. Диалектическое противоречие. М.: Политиздат, 1979.
8. Бунге М. Философия физики. М.: Прогресс, 1975.
9. Gehlhar F., Hager N. Physik und Entwicklungsdenken. Jn.: Deutsche Zeitschrift für Philosophie Heft 5/1982.
10. Borzeskowski H.-H., Wahsner P. Physikalische Bewegung und dialektischer Widerspruch. Ebd.
11. Амбарцумян В. А., Казютинский В. В. Научные революции и прогресс в астрофизике // Астрономия, методология, мировоззрение. М.: Наука, 1979.
12. Количественные аспекты роста организмов. М.: Наука, 1975.
13. Физический энциклопедический словарь. «Абсолютно черное тело». М., 1960. Т. 1.
14. Контекст 1972. М.: Наука, 1973.
15. Вернадский В. И. Избр. соч. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Т. 1.
16. Философская энциклопедия. М., 1970. Т. 5.
17. Ситник Г. Ф. Общие принципы осуществления модели черного тела при высокой температуре // Астрономический журнал. 1960. Т. XXXVII. Вып. 1.

18. Тригг Дж. Решающие эксперименты в современной физике. М.: Мир, 1974.
19. Лорд Рэлей. Замечания по поводу закона полного излучения // Х.-Г. Шёпф. От Кирхгофа до Планка. М.: Мир, 1981.
20. Планк М. Избранные труды. М.: Наука, 1976.
21. Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.

В. А. Устюгов

ПРОБЛЕМА ОСНОВНОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ ХИМИЧЕСКОЙ ФОРМЫ ДВИЖЕНИЯ МАТЕРИИ

Вторая половина XX века стала началом новой эры в исследовании проблем жизни. Возникает интерес к процессам самоорганизации. Все более очевидным становится то, что идея случайного возникновения «живой молекулы», по-видимому, совершенно бесплодна. Благодаря работам А. Опарина, Дж. Бернала и др. эволюционные представления были распространены на область химизма. При таком подходе объект эволюции предстал не в виде отдельных молекул, частиц и т. п., а как некоторая особая организация химического вещества. Однако «несмотря на разработку ряда эволюционных моделей, (коацерват А. И. Опарина, автокаталитическая система М. Кальвина), помогающих представить, как могла бы произойти добиологическая (химическая) эволюция, остаются совершенно неясными и необъяснимыми причины и движущие силы эволюционного процесса, направленности естественного отбора, т. е. неясно, почему должна осуществляться добиологическая, химическая эволюция, в чем ее основной принцип» (11. С. 229). Таким образом, исследователи химизма столкнулись с проблемой сущностного противоречия химической формы движения материи. Но попытки решить или хотя бы правильно сформулировать указанную проблему обнаружили трудности методологического характера.

Диалектическое противоречие нельзя обнаружить в некоторой совокупности эмпирического материала, овладеть им можно лишь при достаточно высоком уровне развития теоретического познания. Началом отражения диалектического

противоречия в теории является такая содержательная антиномия, которая неустранима в силу ее объективности. Наличие антиномии выступает как адекватная формулировка теоретически еще не решенной проблемы (см.: 3. С. 404). Поэтому наша задача будет заключаться в том, чтобы на основе историко-логической реконструкции обнаружить антиномию в развитии химического знания и тем самым сформулировать проблему химической формы движения.

Бойль разработал представление о «чистом» химическом веществе, главной особенностью которого является абсолютная неизменность, себетождественность. Это вещество может существовать сколь угодно долгое время, пока на него не подействуют внешние силы и не выведут его из этого состояния. Таков «закон химической инерции» (Ю. Либих) — закон существования химически чистого вещества. Развивая далее идею «чистого» химического вещества, требуя полной однородности свойств во всей массе при любых условиях, Роберт Бойль приходит к понятию химического элемента. Это «определенные первичные и простые или совершенно не смешанные тела, не составленные из каких-нибудь других тел или друг из друга и образующие составные части, из которых составлены непосредственно все тела, называемые совершенными смесями, и на которые в конце концов разлагаются все тела» (12. С. 85). Как видим, химический элемент абсолютно удовлетворяет требованиям идеи себетождественного химического вещества. Бойль особенно настойчиво отстаивает мысль о том, что даже в «совершенных смесях» химический элемент остается неизменным, сохраняет свою форму. Химический элемент — это своего рода химический индивидуум, чье существование не зависит от внешних условий. Характерно, что именно в работах Бойля он выглядит как некоторый гносеологический конструкт, как форма мышления химика Нового времени. Этот образ возник не путем обобщения эмпирического материала, а в недрах самой культуры и, как свидетельствует последующая история, «химический элемент» становится центральным понятием классической химии.

Идея неизменного химического вещества возникла в противоположность средневековому представлению о зависимости свойств вещей от субъекта. Неизменность химического вещества есть прежде всего независимость его свойств от исследователя, с ним работающего. Более того, неизменность выступает как критерий объективного изучения. Показательным в этой связи является знаменитый спор Бертолле и Пру-

ста. Никакие экспериментальные доказательства Бертолле о постоянной подвижности, изменяемости состава веществ не могли опровергнуть предрассудок того времени, когда исследователи еще не могли отличать собственные изменения вещей от тех, которые были связаны с их действиями. Постоянство же состава свидетельствовало о том, что исследование проведено объективно. Однако дальнейшее развитие химической науки трансформировало бойлевский диалог со средневековьем в диалог идеи себетождественного химического индивидуума и идеи самодействующего химического вещества.

Главный замысел идеи себетождественного химического индивидуума состоял в возможности сводить свойства различных сложных химических веществ к составляющим их элементам, конкретизируя при этом само понятие «элемент». В качестве исследовательской программы реализации идеи себетождественного химического индивидуума Бойль предложил изучить состав тел. В контексте этой программы понять химическое вещество значило выяснить его элементарный состав: «Состав сложного тела есть выражение тех превращений, к которым оно способно» (10. С. 72). Химическая теория изучает вещества на «входе» в процесс и на «выходе» из него, устанавливая между ними причинную связь, описываемую стехиометрическим уравнением. Весь смысл подобного сведения в том, чтобы однозначно рассчитывать химическое действие, обретая таким образом возможность получить вещество с заданными свойствами. Фиксированность тела в пространстве, его абсолютная неизменность, является условием классических формализаций. Сведéние сложного к простому, неизменному, оборачивается для классической теории своей другой стороной: генетическая причинность, изгнанная из химической теории, проникает в нее под видом причины ближайшего действия. Одно вещество сводится к другому, существует по причине другого и именно постольку понимается. Понятие «причинности ближайшего действия» стимулирует развитие химической теории, так как само химическое вещество, оказывается, может быть понято как сила, а не только как объект превращений.

Следовательно, уже идеализации классической химии таят в себе возможность раздвоения, двуфокусного рассмотрения химического вещества как силы и как действия. В точке роста химической теории присутствуют оба эти понятия, в результате чего появляется некоторый новый уровень понимания химического вещества, и соответственно новые возможно-

сти иных формализаций и расчетов. Уже отмечалось, что возникновение теории химического состава ознаменовалось спором Бертолле и Пруста, конфликтом идеи непрерывной изменчивости состава с идеей постоянства его. Возникновение теории химического строения также не обошлось без коллизий. Шарль Жерар, создатель молекулярной теории, считал невозможным однозначно определить расположение атомов в молекуле, если вещество образуется различными путями. В противоположность этому, Бутлеров рассматривал строение вещества как сохраняющуюся упорядоченность отношений элементов, составляющих тело, а Купер и Кекуле определяли строение как порядок расположения атомов в молекуле. Но наиболее выраженный антиномичный характер развития классическая химия обнаруживает в учении о катализе.

Каталитические реакции обратили на себя внимание после установления стехиометрических законов, поскольку не укладывались в них. Дело в том, что каталитические реакции проходили при посредстве агента, привносимого в процесс извне. Катализатор (агент) явно принимал участие в реакции, но сам оставался без видимых изменений. Поэтому каталитические реакции были объявлены действием особой каталитической силы. В науке Нового времени сила рассматривалась как нечто иррациональное, понимаемое не в своей собственной природе, а через действие, и поэтому выступающее как нечто неизменное.

Развитие учения о катализе представляет собой борьбу физических и химических теорий каталитического акта. Такая борьба по сути своей представляла противоречивый процесс изгнания «каталитической силы» из области химизма (господство физических теорий) и принятие ее в рациональном виде, т. е. подчинение катализа стехиометрическим законам как явления химического порядка (господство химических теорий).

К середине XX века стали вырисовываться границы классической химии, что привело к окончательной победе химических теорий катализа. Выяснилось, что чистые химические вещества не могут реагировать друг с другом. Оказалось: в химическом процессе большую роль играют примеси, стенки реакционной посуды и т. д. (см.: 8. С. 367—370). То есть то, от чего раньше отвлекалась классическая химия. Стали более понятны рассуждения Р. Бойля как химика-классика. Если предположить, что примеси и реакционная посуда не влияют на свойства химических веществ (это влияние сведе-

но до минимума очисткой вещества), то их свойства, действительно, будут определяться только элементарным составом реагирующих веществ: независимость от условий — главная предпосылка классических идеализаций.

Теперь же появилась необходимость придать всеобщее логическое значение прямо противоположному тезису — утверждению о том, что все химические реакции обусловлены. И это не просто зависимость от каких-то внешних условий, например от температуры или давления. Такого рода зависимость была хорошо известна и классической химии. Когда мы утверждаем: все химические реакции каталитические, то под катализатором понимаем не просто какие-то вещества, примеси и т. п., а то, как, каким образом существует тот или иной химический процесс. Катализатор и есть не что иное, как собственные условия протекания химического процесса и стало быть существования химического вещества. Нет таких условий — значит, нет и таких классических объектов, как атомы, молекулы и т. п. Виды условий многообразны — это и всевозможные среды, и гетерогенные системы, а также ферменты и прочее. Охватить все многообразие можно только поняв катализатор как условие всякого химического существования. На этом пути и возникает интересующая нас проблема.

Мы уже отмечали, что катализатор ранее рассматривался в качестве силы, вызывающей химический процесс. В дальнейшем данное понятие сменилось прямо противоположным: процесс стал пониматься как сила, делающая катализатор средством своего протекания. Значит, катализатор как условие химического процесса может возникнуть только в самом процессе, и вместе с тем он не может возникнуть в нем, поскольку является условием возникновения процесса. Катализатор одновременно выступает и условием генезиса, и условием функционирования химического вещества. То есть в процессе возникновения той или иной качественно новой формы организации химического вещества катализатор как условие генезиса «снимается» возникающим основанием этой организации. Но вместе с тем катализатор отрицает основание возникшей химической организации, так как теперь он выступает условием его существования *. Такова, на наш взгляд, одна из центральных проблем современной теоретической химии.

* Общий анализ объективной диалектики процесса генезиса новой вещи (см.: Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск, 1977).

Историко-логическая реконструкция развития теоретического знания в химии позволяет сформулировать проблему противоречия химической формы движения. Проблема заключается в поиске специфики проявления объективной диалектики существования химических систем, в соответствии с которой условия генезиса системы выступают одновременно как условия ее функционирования (см.: 10). В связи с этим представляет несомненный интерес изучение существующих в философской литературе точек зрения на противоречие химизма и определение вклада в решение указанной проблемы, а также выяснение, насколько продуктивно категория противоречия выполняет в названных концепциях свою методологическую функцию.

Вопрос о сущностном противоречии химической формы движения впервые был поставлен Гегелем, а затем Ф. Энгельсом при диалектико-материалистическом переосмыслении достижений естествознания. Оба они рассматривали мир как единый закономерный процесс и одно из доказательств этого видели в построении рациональной классификации наук. Однако естествознание тех лет давало слишком мало фактического материала для понимания специфического развития. Гегель и Ф. Энгельс учитывали такое обстоятельство поразному. Различие подходов определялось различием позиций. Как отмечает К. Маркс в «Критике гегелевской философии права», идеализм Гегеля в философии природы имеет ярко выраженный характер (см.: 1. С. 226). Исходя из разумности идеи, противоречие химизма формулируется им следующим образом: «Индивидуальность в ее развитой тотальности такова, что ее моменты сами определены как индивидуальные тотальности, как целостные особенные тела, которые вместе с тем вступают в отношение друг с другом только как различенные. Это отношение как тождество нетождественных, самостоятельных тел есть противоречие и, следовательно, по существу процесс, имеющий согласно понятию назначение полагать различенное тождественным, индиферентным, а тождественное дифференцировать, одухотворять и разделять» (5. С. 311). На наш взгляд, такое понимание химического процесса было необходимо Гегелю для того, чтобы показать конечность неорганического процесса Земли по сравнению с органическим, а возникновение жизни объяснить деянием Духа, ударом «молнии жизни» в материю. И если Гегелю представляется химизм как «круг особенных процессов, из которых каждый предполагает другой, но сам берет начало извне и

угасает в своем особенном продукте, не продолжаясь в процессе» (5. С. 223), то в этом недостаток не химизма, не какие-то его особенности, верно подмеченные Гегелем (см.: 6. С. 62), а прежде всего недостатки самой химической науки, которая в те времена изучала отдельные химические вещества и абсолютизировала дискретный характер химических превращений. В действительности химизм Земли являет нам совсем обратное: поражающие воображение подвижность и непрерывность превращений. Проблема в том, как в понятиях науки отразить это самодвижение.

Химия конца XIX века, как свидетельствует Ф. Энгельс, «продвинулась достаточно далеко вперед, чтобы гарантировать нам, что она одна объяснит нам диалектический переход к организму. Но действительный переход только в истории — Солнечной системы, Земли» (2. С. 564). Однако, кроме гарантий, никакого объяснения химия тогда еще дать не могла. Поэтому закон единства и борьбы противоположностей в области химизма (химическое притяжение и отталкивание — соединение и диссоциация атомов) еще не выступает в своей методологической функции познания химических явлений. Иное дело — закон перехода количественных изменений в качественные. В химии этот закон, по словам Ф. Энгельса, празднует полный триумф. Дело не исчерпывается только иллюстрацией его. В руках К. Шорлемера и Д. И. Менделеева он стал подлинным инструментом познания.

Итак, наука XIX века не смогла сформулировать четкого представления о противоречии химической формы движения материи, хотя в философии диалектического материализма уже убедительно было показано, что вопрос о противоречии непременно возникает, когда наука от изучения отдельных вещей переходит к изучению процессов. Теоретическое рассмотрение этой проблемы оказалось далеко не простым. В настоящее время можно, по-видимому, говорить о наличии лишь подступов к ее решению.

Так, С. А. Клишина в статье «К вопросу об основном противоречии химической формы движения» пишет, что «противоречие между целостностью и дифференцированностью представляет собой именно деятельное, активное начало процесса. Оно делает устойчивость структуры напряженной и выводит структуру при соответствующих условиях из равновесного статического состояния» (7. С. 84). Не оспаривая правомерность этого взгляда на химическую систему, заметим, что здесь противоречие как причина развития рассматривается в

отрыве от своего действия, а процессуальный характер противоречия не удается уловить. Получается: противоречие только включает процесс (и то в соответствующих условиях), а не служит постоянным детерминирующим фактором его существования. На вопрос о том, как же удается обнаружить это противоречие, автор приводит следующее рассуждение: «Условием возникновения вещи является ее синтез из элементов, каждый из которых, жертвуя часть своей индивидуальности на строительство нового целого, другую часть оставляет за собой, не дает полностью поглотить, растворить себя. Возникает противоречие между целостностью вещи и относительной самостоятельностью ее элементов, т. е. вещь живет двойственной жизнью: как целое и как совокупность частей» (7. С. 83). Сразу возникает вопрос: идет речь о химической вещи или о вещи вообще? Нас убеждают, что это специфически химическое явление. Хотя представляется, что речь идет все же о системном бытии вещи вообще, где категории «целое» и «часть» служат, по-видимому, исторически первой формой отражения системного характера материального мира (см.: 10. С. 148). На наш взгляд, данная точка зрения не выражает сути химического взаимодействия. Кроме того, можно ли вообще обнаружить противоречие в эмпирическом материале, в рассмотрении молекулярных структур и прочего, не сводится ли тогда диалектика к сумме примеров? Противоречие должно выступать в теоретическом мышлении как отражение предметного противоречия. Поэтому философская рефлексия не может игнорировать результаты теоретической рефлексии в химии, если, конечно, стремится понять сущностное противоречие химизма.

Иная концепция противоречия химической формы движения представлена в работе, рассматривающей химизм с позиций единого закономерного мирового процесса, авторы которой считают, что «химический процесс есть единство синтеза и распада» (4. С. 51). В отличие от сторонников концепции соединения и диссоциации атомов, Т. С. Васильева и В. В. Орлов считают, что химический синтез и распад неравноценны, и неравноценность эта якобы заключена уже в самой природе химических элементов: «Будучи элементарными и не включая в себя способности к самостоятельному существованию... химические части, элементы «определены» к синтезу» (4. С. 52). Кавычки, впрочем, не спасают — химические элементы «приговорены» совершать прогрессивное развитие. Таким образом, противоположность соединения, прогресса и

диссоциации, регресса снята, и авторы имеют возможность осуществлять посредством синтеза движение вперед к возникновению организма. Смущает, однако, то, что помощь в разрешении антиномии «соединение—диссоциация» атомов оказала не химическая наука, а некоторые общие представления о неравноценности прогресса и регресса в развитии. Авторы отождествили совершенно необоснованно, на наш взгляд, диссоциацию с химической формой регресса, а синтез с химической формой прогресса (см.: 4. С. 51). Теоретические достижения химии служили при этом лишь иллюстративным материалом.

Нетрудно видеть, что рассмотренные концепции противоречия химической формы движения не дают возможности продуктивно реализовать методологическую функцию категории противоречия в познании сущности химического как имманентного химическому познанию принципа. Противоречивый характер бытия вещи как единство многообразного не дает возможности обнаружить противоречие в некоторой совокупности эмпирического материала. Оно должно выступать как категория теоретического познания, рассматривающего вещь (в нашем случае химические системы) в ее всесторонних связях и отношениях, в единстве. Поиск форм, в которых выступает противоречие в теоретическом познании, в частности, химическом — будь то парадоксы или антиномии и анализ путей их решения позволит, как нам представляется, поднять анализ предмета химической науки на качественно новый уровень и, таким образом, углубить познание химизма до раскрытия условий его саморазвития.

1. Маркс К. К критике гегелевской философии права//Маркс. К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1.
2. Энгельс Ф. Формы движения материи. Классификация наук // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20.
3. Батищев Г. С. Диалектическое противоречие. Философская энциклопедия. Т. 4.
4. Васильева Т. С., Орлов В. В. Химическая форма материи. Пермь, 1983.
5. Гегель В. Г. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 2.
6. Жданов Ю. А. Материалистическая диалектика и проблема химической науки//Вопр. философии. 1980. № 2.
7. Клишина С. А. К вопросу об основном противоречии химической формы движения материи // Некоторые методологические проблемы современной науки. Саратов, 1971.
8. Кузнецов В. И. Развитие учения о катализе. М., 1969.
9. Менделеев Д. И. Сочинения. М.-Л., 1954. Т. 24.

10. Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск, 1977.
11. Руденко А. П. Теория саморазвития открытых каталитических систем. М., 1969.
12. R. Boyll. Chymista Scepticus (см. серию: Ostwald's Klassiker, 1929. S. 85).

А. В. Тихонов

К ВОПРОСУ О ПОЗНАНИИ ВНУТРЕННЕЙ ПРОТИВОРЕЧИВОСТИ ЖИВОЙ ПРИРОДЫ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ТЕОРИИ ЕСТЕСТВЕННОГО ОТБОРА

Уже среди современников Ч. Дарвина возникла острая дискуссия по вопросу о роли отбора в эволюции живой природы. Противники этой теории (Е. Аскенази, К. Бэр, Келликер, Э. Коп, К. Негели, Т. Эймер и др.) утверждали, что теория естественного отбора по самой сути своей не способна выявить внутреннюю причину закономерного развития живого, поскольку она обращает внимание лишь на внешние по отношению к живой природе факторы. Поэтому они предлагали искать причину вне и помимо отбора.

В 20-е годы текущего столетия такие представления заняли центральное место в некоторых эволюционных концепциях (Г. Осборн, Д. Роза, Д. Н. Соболев и др.). Наиболее полно возражения против теории отбора как теории саморазвития живой природы были изложены в концепции номогенеза Л. С. Берга, призывавшего искать некую имманентную причину закономерного развития живого, не имеющую ничего общего с отбором как якобы чисто внешним фактором эволюции.

Но ни самому Л. С. Бергу, ни его предшественникам и последователям не удалось найти внутреннюю материальную причину эволюции, не связанную с отбором. Поиски ее неизбежно приводили к постулированию нематериальных движущих сил эволюционного процесса. Поэтому уже в те годы сторонники теории отбора (Н. А. Иванов, Б. М. Козо-Полян-

ский, А. А. Коршиков, А. М. Никольский, А. А. Сухов, В. И. Талиев, В. М. Шимкевич и др.) подвергли справедливой критике концепцию номогенеза за ее идеалистическую направленность. К сожалению, критика не сопровождалась достаточно тщательной позитивной разработкой теории отбора как теории саморазвития живой природы.

Гносеологическое значение теории отбора в познании процесса саморазвития живого, его внутренней причины остается слабо исследованным до настоящего времени. Это можно объяснить, по-видимому, тем, что долгое время для многих ученых понятие саморазвития ассоциировалось с автогенетическими концепциями, отрицающими роль внешней среды в эволюционном процессе (см.: 2. С. 5—6; 3. С. 87). Такое положение дает почву для критики теории отбора как якобы принципиально не способной отобразить процесс саморазвития живой природы. Поэтому в последнее время обозначилась тенденция к принижению роли отбора в эволюции, заметно возрос интерес ряда исследователей к концепции номогенеза.

Критика теории естественного отбора с позиций идеалистических концепций есть форма и путь критики научного мировоззрения в целом. Принцип партийности марксистско-ленинской философии требует непримиримо разоблачать идеалистические взгляды, паразитирующие на недостаточно разработанных наукой вопросах (см.: 1. С. 230, 248, 322). Следовательно, в настоящее время для утверждения научных представлений о развитии живой природы становится особенно актуальным выяснение той роли, которую сыграло формирование теории отбора в познании основного противоречия живого как наиболее глубокой причины его саморазвития.

По мере исторического накопления знаний о внешнем мире человек выделяет живую природу в качестве определенной материальной реальности, как *нечто*, отличное от другого нечто (иного), т. е. от неживой природы. Согласно ранним биологическим представлениям, живое есть строго определенный способ соединения составляющих организм частей (начал, элементов), позволяющий организму функционировать как единое целое. Причем целесообразность строения организмов бралась абстрактно, как сама по себе сущая, вне отношений с условиями существования организмов. Таким образом она представлялась абсолютной, неизменной, всегда тождественной себе, и вследствие этого организмы не разли-

чались между собой по степени целесообразности, будучи как таковые абсолютно тождественными. Понятно, что подобным представлениям не могла быть свойственна идея развития живой природы, и процесс происхождения организмов понимался материалистами как простое объединение составляющих их частей. Такие представления не позволяли объяснить необходимость возникновения и существования целесообразных организмов. Это приводило к мистике телеологизма в виде провозглашения некой общей закономерности мира, предопределявшей последовательность этапов развития природы (Логос, Дао и т. п.).

Необходимость есть то, что вытекает из основы (сущности) вещи, все другое, обусловленное извне, существует для данной вещи случайно. Значит, показать необходимость возникновения и существования целесообразности живой природы можно лишь путем разработки представлений о ней как о внутренне противоречивой, самообусловливающейся системе, в которой внутренними процессами создаются условия, предопределяющие ее устойчивое существование (воспроизводство). В итоге живое должно предстать как конкретное тождество, различенное в себе единство основы и условий.

Основа вещи образует ее внутреннее единство, она есть нечто сохраняющееся в отношениях данной вещи с другими вещами и обосновывающее все многообразие ее свойств. Условия — это то, от чего данная основа зависит, в отношении с чем обретает свое существование. Основа и условия переходят друг в друга, полагают сами себя как снятые, соотносят себя с этим своим отрицанием и взаимно предполагают друг друга. Вместе с тем и основа, и условия выступают как нечто самостоятельное: основа характеризуется собственным содержанием, противостоящим содержанию тех условий, которые ее образуют и в которых она существует, условия же выступают предпосылкой и собственным моментом основы, ведь благодаря условиям (через условия) вещь соотносится сама с собой, образуя тождественное своего бытия — основу. Основа живой природы должна быть понята как единство в своем отличии от себя. В этом отношении к себе как к своему иному в диалектическом саморазличении себя основа предстает субстанцией живой природы, обнаруживающей себя в отношениях со своими условиями. Постоянное воспроизводство данного противоречия составляет движение субстанции живой природы, в процессе которого она не только самопо-

рождает себя, но и обретает существование (см.: 6. С. 166—208).

Появление идеи отбора и связано со стремлением преодолеть взгляд на живую природу как на нечто абсолютно себетождественное, показав относительность целесообразности, диалектическое единство целесообразности и нецелесообразности и тем самым внутреннюю противоречивость живого. Отношения отбора могут существовать лишь между организмами, которые, с одной стороны, имеют между собой нечто общее, т. е. представляют некоторое единство, будучи проявлениями общей для них основы — целесообразности; с другой стороны, они различаются, представляя нечто множественное по степени целесообразности и, следовательно, включают в себя момент нецелесообразности.

Для раскрытия внутренней противоречивости живого требовалось выявить опосредованность бытия организма, его отношения с другими организмами, выступающими по отношению к данному организму условиями существования, и заменить метафизическую картину живой природы, согласно которой она — всего лишь сумма тождественных, не связанных друг с другом организмов, диалектическим представлением о ней как о целостной системе, состоящей из необходимо взаимосвязанных и взаимообусловленных организмов. Лишь изучив отношения живого с условиями, можно понять его как нечто соотносящееся с самим собой.

Однако в период появления первых представлений об отборе значительная ограниченность экологического знания не позволяла достаточно полно решить поставленную задачу. Ранее экологическое знание, обусловленное уровнем общественно-исторической практики, сводилось к фиксации результатов наблюдения образа жизни различных животных и растений, их сосредоточенности в определенных местах обитания. Среда виделась лишь более или менее простым вместилищем организма. Поэтому первые представления об отборе (прежде всего натурфилософские системы Эмпедокла и Лукреция, а также взгляды более поздних мыслителей, таких, например, как Ж. Ламетри, Д. Дидро) являли собой довольно фантастическую картину возникновения целесообразных и нецелесообразных организмов с дальнейшей гибелью последних. Отбор здесь — простая выбраковка биологических особей, чья организация не соответствовала некоторому неизменному идеалу. Взаимоперехода целесообразности и нецелесообразности в этих концепциях нет и, следовательно, нет никакого

развития организмов. Живая природа оказалась разорванной на внутренне не связанные между собой две группы организмов, в каждой из которых организмы как целесообразные, либо как нецелесообразные тождественны друг другу и абсолютно противостоят организмам другой группы. Вместе с тем в данных представлениях целесообразность и нецелесообразность выступают внешними по отношению друг к другу противоположностями, существующими одновременно.

Мышление человека не может сразу понять объективное противоречие в неразрывном единстве его противоположных сторон. Мы вынуждены сначала расчленить противоречие на взаимоисключающие стороны, разорвав тем самым единство. «Раздвоение единого и познание противоречивых частей его... — отмечал В. И. Ленин, — есть суть... диалектики» (1. С. 316). И только после изучения противоположностей в обособленном виде, в их противопоставлении, возникает возможность мысленно восстановить их исходное единство, показать, что участвующие в отношении казалось бы различные вещи в действительности есть бытие одного и того же единого объекта.

Поэтому даже в такой еще примитивной форме идея отбора имела несомненно революционное значение в познании диалектики живой природы: во-первых, были выделены целесообразность и нецелесообразность как две крайние противоположности живого, во-вторых, был открыт отбор как способ совместного существования данных противоположностей внутри единой живой природы.

С XVIII века появляются работы, обосновывающие зависимость свойств организма от условий его существования (Ж. Л. Л. Бюффон, П. С. Паллас, К. Линней и др.). Со временем отношения организма и среды становятся предметом специального изучения и формируется экология (первое определение этой науки дает в 1870 году Э. Геккель). Экологические исследования доказали неразрывную связь свойств организма и условий его существования, поэтому целесообразность живого стала пониматься как соответствие его свойств окружающей среде, как приспособленность к ней.

В первых работах по отбору (утверждающих единство организма и среды) говорилось, что вымирают те организмы, чьи свойства отклоняются от типических черт организмов данного вида, который как таковой в совершенстве приспособлен к условиям своего существования (Э. Блис, Дж. При-

чард и др.). В подобных представлениях отбор не изменяет живое, не создает новые формы, а напротив, поддерживает постоянство вида, очищая его от различных отклонений в свойствах и тем самым консервируя вид.

В этих концепциях, как и в предыдущих, целесообразность и нецелесообразность абсолютно противостоят друг другу в виде отдельно существующих организмов, целесообразность одних никак не связана с нецелесообразностью других. Однако в рассматриваемых концепциях был достигнут качественно новый уровень в познании противоречивости живого. Целесообразность и нецелесообразность уже потеряли свою былую абсолютность и стали зависеть от условий существования организмов, т. е. была понята их относительность, опосредованность внешним условиям, их внешняя связь: изменение условий по крайней мере в определенной степени лишало приспособленность к прежним условиям целесообразности и, напротив, нецелесообразность в одних условиях могла оказаться целесообразностью в других.

Новый этап в познании основного противоречия живой природы связан с разработкой понятия борьбы за существование, которая началась еще на предшествующем этапе, но лишь в работах Ч. Дарвина это понятие отобразило диалектику целесообразности и нецелесообразности как различенного в себе единства основы и условий. Аналогично тому, как А. Эйнштейн показал взаимосвязь свойств материи и физического пространства, а К. Маркс — свойств отдельных социальных явлений и социального пространства, Ч. Дарвин, раскрыв взаимообусловленность целесообразности организма и интенсивности борьбы за существование, установил связь свойств отдельного организма и биотического пространства как совокупности биотических отношений, в основе которых лежат отношения борьбы за существование.

В созданной Ч. Дарвиным теории естественного отбора показано, что общность средств существования и их ограниченность обусловливают вступление организмов в отношения борьбы за существование. «Именно общность условий существования и возникающая на этой основе системность позволяют единичным явлениям обнаружить их существенную, субстанциальную основу» (5. С. 47). Подобно тому, как индивидуальные затраты труда на производство товара получают второе измерение в общественно необходимых затратах труда, степень целесообразности вступающих с ним в отношения борьбы за существование других организмов, внутривидовы-

ми условиями, т. е. интенсивностью борьбы за существование, уровнем общей приспособленности вида (популяции).

Степень целесообразности организма прямо не материализуется в его морфо-физиологических свойствах, а выражает величину, производную от наличного уровня борьбы за существование и лишь опосредованно — от внешней среды обитания вида. Она есть некоторая пропорциональная часть совокупной приспособленности вида и поэтому может подвергаться значительным изменениям, которые совершенно не связаны с изменением морфо-физиологических свойств организма, так сказать, его «материального субстрата». Один и тот же организм в одних и тех же условиях внешней среды в зависимости от интенсивности борьбы за существование может либо нормально существовать и размножаться, либо его жизнедеятельность может угнетаться вплоть до элиминации.

Как отношение купли-продажи, опредмечиваемое в товаре, является специфическим отношением капиталистического способа производства, так и отношение борьбы за существование, опредмечиваемое в адаптационных свойствах организма, суть специфическое биотическое отношение («клеточка»). Специфическое отношение — это внутреннее отношение вещи, оно характеризует единство вещи и вместе с тем ее различие, поскольку если существует данное отношение, то, следовательно, существуют и различные стороны (моменты, аспекты), которые в отношение вступают. Тогда специфическое отношение есть не что иное, как основное противоречие вещи. Каждый отдельный организм в опосредовании, т. е. в многообразии отношений с другими организмами вида, соотносится сам с собой, и, таким образом, живая природа предстает как внутренне различенная на основу и условия.

Совокупная приспособленность вида, получающая выражение в борьбе за существование, и пространство приспособленностей составляющих этот вид организмов являются диалектическим единством основы и условий, подобно производственным отношениям и производительным силам в социальной форме движения материи (см.: 7). В результате борьбы за существование и отбора специфические признаки отдельных организмов, противостоящие общим признакам вида, его целесообразности как целого, но обладающие дополнительной приспособленностью к определенным условиям, становятся необходимой характеристикой нового вида: условия «переходят» в основу (нецелесообразность превращается в целе-

сообразность). Этот процесс неразрывно связан с прямо противоположным ему процессом перехода основы в условия, целесообразности в нецелесообразность, поскольку борьба за существование и отбор, совершенствуя индивидуальные приспособленности, влекут рост общей приспособленности вида и свойства некоторых организмов перестают удовлетворять возросшим требованиям борьбы за существование. В итоге отбор предстает способом существования основного противоречия живой природы, причем воспроизводство живой природы осуществляется как ее саморазвитие.

Кратко рассмотренный нами процесс формирования теории естественного отбора позволяет сделать вывод о том, что она формировалась не в стороне от познания внутренней причины закономерного развития живой природы, как утверждают ее противники, а напротив, появление данной теории связано именно со стремлением понять живое в его саморазвитии. Разумеется, теория отбора не есть истина в конечной инстанции и современная наука предъявляет к ней большие требования по совершенствованию понятийного аппарата и более адекватного отображения процесса саморазвития живой природы. Однако несмотря на трудности, стоящие перед этой теорией, задача исследователей диалектики живой природы заключается не в ее «опровержениях», а в дальнейшем развитии ее богатого содержания (см.: 4. С. 156).

1. Ленин В. И. Философские тетради // Полн. собр. соч. Т. 29.

2. Вяккерев Ф. Ф. Проблема самодвижения в материалистической диалектике. Л.: Изд-во ЛГУ, 1972.

3. Гиляров М. С. Некоторые методологические проблемы теории эволюции в биологии // Диалектика в науках о природе и человеке. Эволюция материи и ее структурные уровни. М.: Наука, 1983.

4. Карпинская Р. С. Идея развития в науках о живой природе // Материалистическая диалектика как общая теория развития. Проблема развития в современных науках. М.: Наука, 1983.

5. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980.

6. Райбекас А. Я. Вещь, свойство, отношение как философские категории. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1977.

7. Тихонов А. В. О диалектике внутреннего и внешнего в детерминации процесса саморазвития // Системность и детерминизм / Краснояр. ун-т. Красноярск, 1984.

8. Хайлов К. М. К эволюции теоретического мышления в биологии: от моноцентризма к полицентризму // Системные исследования: Ежегодник. М.: Наука, 1973.

Т. А. Ростовцева

ОБ ОСНОВНОМ СОДЕРЖАТЕЛЬНОМ ПРОТИВОРЕЧИИ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

В гносеологии и логике вопрос о том, как возможно достижение истинного знания, всегда связан с проблемой противоречий познавательной деятельности. Трактовка противоречия и его статус в рамках той или иной логической концепции определяют понятие истины и пути подхода к истинному знанию. Истина и противоречие — два неразрывно связанных аспекта анализа развивающегося знания.

Диалектический разум, определяя сущность как «сферу положенного противоречия» (2. Т. 1. С. 369), представляет путь к истинному знанию в форме процесса разрешения и воспроизведения исходного познавательного противоречия. В социальном познании проблема противоречия и истинности знания приобретает особое значение. Познание социальных процессов всегда опосредуется системой ценностей, общественных идеалов, политических интересов познающего субъекта, его волевыми установками. Это вызывает значительные сложности при обнаружении объективных закономерностей и оснований социальных процессов и явлений. В социальном познании очень часто возникают условия для абсолютизации субъективности и утверждения концепций агностицизма и идеализма. Поэтому задача обоснования объективности противоречий познавательной деятельности, утверждения принципа объективного подхода к субъективному миру общественного человека (см.: 8. С. 56) является особенно важной для логики социального познания.

Проблема противоречий познания достаточно широко представлена в философской марксистской литературе. Противоречие рассматривается с различных сторон: оно анализируется как категория диалектической логики, отражающая сущность познавательного процесса, а также как принцип познания природы и общества (см.: 15). При этом выясняются основные типы и формы познавательных противоречий, раскрывается их природа и способы логического отражения и разрешения (см.: 16). При всей разносторонности изучения противоречий познания недостаток многих исследований за-

ключается, на наш взгляд, в том, что противоречия анализируются в рамках соотнесения и противопоставления диалектического и формально-логического противоречия. На основе их различения авторы выводят основные черты диалектического противоречия, показывают его специфическую познавательную функцию. Но подобный анализ не позволяет достаточно полно раскрыть диалектику познавательного процесса и представить диалектическое противоречие в качестве основной категории диалектической логики, поскольку формально-логическое противоречие связано только с одной из сторон процесса познавательной деятельности — со способом выражения (существования) знания. Оно представляет собой фиксацию нарушения принципа формальной непротиворечивости, который наряду с другими законами формальной логики отражает внешний процесс формирования знания, только одну из сторон его развития — состояние тождества. Вряд ли возможно достаточно полно выявить сущность диалектического познавательного противоречия, представляющего познание в целом, соотнося его лишь с частью этого процесса. Гораздо большие возможности в изучении познавательных противоречий дает подход, при котором познание рассматривается как особый вид деятельности, а его противоречия как противоречия деятельности, подчиненной, по словам Ф. Энгельса, тем же законам, что и объективный мир (см.: 1. Т. 21. С. 6).

Как всякая деятельность, познание выступает в единстве объективного и субъективного, но поскольку это деятельность сознания, то кажется, что можно с полным основанием сформулировать тезис: истинное знание объективно по содержанию и субъективно по форме, а из него вывести утверждение о субъективном характере познавательных противоречий (см.: 12). Однако если последовательно развивать точку зрения субъективности познавательных противоречий, мы неизбежно приходим к идее неразрешимости вопроса об истинности научного знания вообще и социального в частности. На наш взгляд, специфика противоречий познания не в том, что они субъективны, а в том, что это противоречия особого процесса отражения, такого взаимодействия систем, которое дает идеальный продукт — знание об объектах. Рассматривая стороны субъективности данного процесса, полагаем целый ряд их проявлений: во-первых, в том, насколько зависит от субъекта содержание его знаний (уровень развития субъекта), во-вторых, насколько субъект владеет формами познавательной деятельности, и, в-третьих, как субъект понимает

роль имеющихся знаний о мире для развития реальных общественных отношений, как трансформирует их в практику. Противоречие познания существует здесь как противоречие между характером человеческого мышления, представляющегося нам в силу необходимости абсолютным, и осуществлением его в отдельных людях, мыслящих только ограниченно. Это противоречие может быть разрешено, по мнению Ф. Энгельса, в бесконечном поступательном движении в таком ряду последовательных человеческих поколений, который для нас, по крайней мере, на практике бесконечен (см.: 1. Т. 20. С. 88).

Единство практики и познания позволяет нам выявить объективную природу познавательных противоречий, увидеть диалектику, «которая, опираясь на освоение природы и творчество истории, развертывается как представленная в социальном, полисубъективном характере человеческого познания, и не только познания, а и всей культуры» (3. С. 41).

История познания показывает, что формы и содержание познания всегда определяются объективно сложившимся характером субъектно-объектного отношения. Формы познавательной деятельности «складываются в ходе истории независимо от воли и сознания отдельных лиц, которым они противостоят как формы исторически развивающейся системы культуры. Последняя же развивается вовсе не по законам психологии, т. е. развитие общественного сознания не простая сумма психических процессов, а особый процесс, в общем и целом управляемый законами материальной жизни общества» (5. С. 186—187). Как особая форма деятельности практика объективно связана с познанием, она выступает его источником и условием. «Орудия, предметы труда, используемые коллективом, — вот первый язык, в котором материализовалось созданное человеком общее знание, — язык материальной жизни, опредмечивание и распредмечивание — первое производство и потребление знания, эти отдаленные предтечи современной науки и современного образования» (11. С. 81). Исходные познавательные противоречия возникают в результате практической деятельности и разрешаются как проблема истины только в практике.

Объективное противоречие познавательной деятельности — это противоречие между объективными потребностями общества и возможностями удовлетворить их в процессе жизнедеятельности. Оно проявляется как состояние «невозможности» на уровне данного знания о предмете включить его в

систему удовлетворения человеческих потребностей. В противоречии знания и предмета всегда скрыто содержится противоречивое несоответствие существующих знаний новым потребностям и видам деятельности по их удовлетворению. И это несоответствие побуждает к раскрытию более глубоких законов вещей (см.: 14. С. 109). Объективное противоречие познавательной деятельности разрешается как противоречие субъекта и объекта возникновением нового знания, заключающего в себе их единство.

Делая природу предметом труда, человек как бы удваивает себя, утверждает себя и не только созданными вещами, но и мышлением и чувствами, т. е. субъективно. В связи с этим можно говорить о двух видах субъективности: о конкретной субъективности — реальной человеческой жизнедеятельности и абстрактной субъективности, которую можно определить как некую превращенную форму знания, становящуюся над реальным процессом человеческого бытия. Абстрактная субъективность возникает тогда, когда абстрактно-всеобщие формы знания рассматриваются как самостоятельные, явившиеся извне законы, с которыми мир должен сообразовываться, и люди начинают усматривать действительность человеческих сущностных сил только во всеобщем бытии человека, в религии или же в истории в ее абстрактно-всеобщих формах политики, искусства, литературы (см.: 1. Т. 42. С. 123).

Наделять объект субъективными качествами — это характерное свойство человеческого познания. Ф. Энгельс отмечал, что именно это стремление к олицетворению создало богов, ведь в религиозных формах фетишизма наиболее ярко выступает процесс олицетворения и выделения абстрактно-субъективных форм в качестве самостоятельных сущностей.

В теоретическом социальном познании абсолютизация абстрактной субъективности выступала в идеалистических концепциях примата воли героических личностей (теория героев), а также в отрицании объективных закономерностей социального процесса. Только марксизму удается разобраться в тайнах абстрактной субъективности, находя ее корни в реальном процессе отчуждения. Марксизм поставил вопрос о подлинной истории человечества, в которой оно, преодолевая различные формы отчуждения, реализует конкретную субъективность, вооружившись знанием объективных законов общественного развития.

Рассматривая противоречия социального познания с точки

зрения конкретной субъективности, мы видим, что их разрешение возможно только в единстве теории и практики. В отличие от конкретной, абстрактная субъективность есть форма разрешения реальных объективных противоречий в сфере духа путем абсолютизации продуктов духовной деятельности. Эти характеристики особенно важны для анализа противоречий социального познания, в котором субъективность во всех ее формах находит наиболее полное выражение.

Представляя познание как многоуровневый процесс, мы выделяем в качестве основных два уровня отражения объекта: на первом уровне создается обобщенно-абстрактное содержание теории, которое отражает исходные концептуальные принципы, организующие теорию, а также самое общее «абстрактное противоречие» как источник развития познания. Второй уровень отражения есть процесс создания конкретного содержания теории, выведения основных закономерностей отражаемого в теории объекта, описания его свойств, сторон и взаимодействий. Каждый из уровней развития содержания есть сфера «положенного противоречия», только на первом уровне такое противоречие выступает в самом общем виде как противоречие субъекта и объекта, опосредуемое потребностями практики, а на втором — это противоречие самого познаваемого объекта, раскрытое и логически снимаемое путем постижения сущности объекта и выражения ее в теории.

В социальном познании на уровне развития абстрактно-всеобщего содержания теории выступает противоречие сущего и должного. В каких бы формах не осуществлялось социальное познание, оно всегда стремится логически разрешить это противоречие, дать человеку знание об обществе, способное объяснить и помочь усовершенствовать социальное бытие или завуалировать противоречие сущего и должного в апологетических теориях прославления настоящего.

Противоречие сущего и должного имеет свое объективное основание, заключающееся в потребности изменить формы существующих общественных отношений. Необходимость такого изменения фиксируется в формах должного, предполагающих отрицание существующего бытия. Уже у Платона противоречие сущего и должного проявляется достаточно четко, и именно попытка теоретически разрешить данное противоречие рождает его утопическое учение о государстве (см.: 10. Т. 1. С. 24—25). Все последующие философские системы и политические теории, какие бы классовые настроения они не выра-

жали, всегда пытались в истинной или иллюзорной форме обосновать цели человеческого бытия, поставить вопрос о назначении человека, разрешить логически противоречие между сущим и должным.

Образ должного в социальном познании осуществляется в форме социального идеала, который являет собой определенный образец организации человеческого общежития, идеальную модель отношения общества и личности. «Идеал представляет собой то образование духовной жизни, в котором концентрированно выражены людские надежды и их высшие побуждения. Это представление о том, какой может и должна быть жизнь общества и человека (4. С. 29—30).

Гносеологическая функция идеала заключается в том, что он как сторона содержательного противоречия (должное) выступает в качестве концептуального основания теории, духовной модели, выражающей в предельных характеристиках сущность объекта и его соотнесенность с деятельностью субъекта, без которой невозможно ухватить смысл реальных процессов (см.: 4. С. 51). Но он может успешно выполнять свою функцию в развитии истинного теоретического знания только тогда, когда выражает действительные цели и потребности практики и опирается на объективный анализ социальных процессов. В этом смысле идеал есть форма конкретной субъективности. Идеал, оторванный от практики, превращается в абстрактную субъективность (см.: 9. Т. 1. С. 62). Он становится основанием социальных утопий и различных видов иллюзорного социального знания.

Социальное познание отражает общественные отношения в различных формах, помимо теоретических сюда можно отнести искусство и религиозное знание. Но в какой бы форме не развивалось социальное знание, оно всегда разрешало противоречие сущего и должного. Связь идеала и действительности в различных направлениях знания отражается особым образом. Рассматривая искусство и религию по характеру содержания идеала, мы сразу же сталкиваемся с их существенным различием. В искусстве идет процесс наполнения идеала конкретным содержанием художественного образа, а в религии это содержание превращается «в наивысшее самостоятельное благо, оторванное от человека, противостоящее ему как бытие божье» (4. С. 85). В религии идеал утрачивает значение побуждающей к изменению бытия цели и становится формой компенсации недостаточности человеческого бытия, формой замещения реальности и морально-эстетиче-

ского примирения человека с самим собой: «Сегодняшнее бытие и сознание человека превращается в виде иконы в идола, которому надлежит молиться и поклоняться» (6. С. 116). Связь идеала и действительности носит в религии по преимуществу ретроспективный характер, «в форме религиозного идеала человеку преподносится образ его собственного вчерашнего дня» (6. 116). В религиозных формах отражения общественных отношений идеал, отрываясь от действительности, становится абстрактной субъективностью, формой фетишизации абстракции.

Для искусства проблема сущего и должного составляет весь смысл его развития и бытия. Искусство всегда было формой выражения человеческого идеала, оно впитывало и отражало в художественной форме философские и социологические концепции общества. В отличие от религии, идеал подлинного искусства всегда устремлен в будущее и наполнен верой в его осуществление. «Среди всех предметов в мире только человечество в его лице как мыслящее существо... может быть идеалом совершенства»,— писал И. Кант (7. Т. 5. С. 237). Искусство несет в себе идеал совершенства, выражая его по законам красоты, по законам художественного отражения мира. Противоречие сущего и должного представляется как драма жизни, здесь нет строгого соотнесения фактов, здесь вымысел идет впереди. «Поэтическое правосудие» совершается в сфере образов и фантазий.

История литературы и искусства дает достаточное количество примеров художественного осмысления социального идеала, а также тесных связей искусства и философии. Особенно ярко это проявилось в эпоху романтизма. Эстетические идеи романтиков перекликались с философскими концепциями просветителей, которые утверждали, что лучшая действительность задается идеалом. Во имя идеала представители романтизма готовы были отвернуться от действительности. «Неудовлетворенность жизнью, когда она не ведет к унынию, рождает с чудесной непоследовательностью стремление к славе, тогда эта неудовлетворенность жизнью может вдохновить на прекрасные чувства; все созерцается с некой высоты» — так осмысливала де Сталь суть художественного произведения (13. С. 382). Однако бурные социальные изменения XIX столетия диктовали новые подходы к выражению противоречия сущего и должного в искусстве.

На страницах «Литературной газеты» в 1984—1985 годах развернулась дискуссия о понятии «художественная правда».

Несмотря на различие точек зрения по поводу эстетических концепций о функциональном назначении искусства, авторы были единодушны в одном — художественная правда искусства определяется характером и степенью отражения социального идеала в художественном произведении, а также самим содержанием идеала. Только те произведения, которые несут в себе идею гуманистического общественного идеала, есть художественно-правдивые произведения, независимо от формы отражения действительности. Можно сказать, что искусство «открыто» заявляет социальный идеал в своих творениях, конкретизирует его абстрактное содержание, разрешая противоречие сущего и должного в характерах и поступках героев художественных произведений.

Теоретическое социальное знание стремится логически разрешить (снять) противоречие сущего и должного в системном теоретическом представлении общества. На ранних этапах развития знания об обществе сущее и должное не выявляется как теоретическое противоречие. Стороны его как бы разведены, отражение социальных процессов происходит или в форме описаний сущего (хроники и деяния героев), или в форме предписаний и социальных утопий (должное). Такое знание еще нельзя считать научным, поскольку оно не выходит на рефлексию своих оснований, не показывает роль противоречия сущего и должного в системном развитии социального знания. Пожалуй, только в немецкой классической философии начинается исследование этого противоречия при осмыслении идеала разума, а также при постижении законов человеческого общежития, сущности нравственных норм. Но идеалистические позиции в подходе ко всем этим проблемам в конечном счете приводят к тому, что идеал выступает в ней формой абстрактной субъективности.

Гегель, формулируя взгляд на историю как на объективный закономерный процесс, казалось бы, разрывает формы ее абстрактного анализа, развивает идею «возвращения» идеала к действительности. Но связь идеала с действительностью у него рассматривается в рамках редукции идеала к действительности — действительность объявляется идеальной. Новый подход к анализу общественного развития оказывается революционным только в сфере мыслительной, поэтому социальный идеал остается абстрактной субъективностью, а история предстает как поступательное движение духа. По этому поводу метко выразился Э. В. Ильенков: «Мундир профессора Берлинского университета оказался для идеала тес-

новат. Гегель примиряет действительность с идеалом, идеализируя эту действительность» (6. С. 155). Для ряда современных буржуазных социологических теорий, отрицающих концепцию социального прогресса, также характерна абстрактная редукция социального идеала.

Социальный идеал выполняет не только гносеологическую, но прежде всего практическую функцию. Гносеологическая функция может быть реализована во всей полноте тогда, когда достаточно ясно представляется его практическая функция, есть выход в практику.

Практическое значение социального идеала заключается в том, что он отражает потребности общественного развития, несет в себе отрицание существующих общественных отношений, является стимулом изменения бытия. Он выполняет важную конструктивную функцию, представляя цели преобразовательной деятельности. В образе должного заключен влекущий и побуждающий к действию мотив (см.: 4. С. 52).

Идеал как сторона содержательного противоречия познания выступает такой абстрактной моделью, соотнесенной с деятельностью субъекта, без которой невозможно постижение смысла социальных процессов. Подлинно научное теоретическое исследование общественных отношений начинается только тогда, когда определяется земная природа идеала, когда абстрактные основания социальных теорий соотносятся с практикой. Заслуга К. Маркса и Ф. Энгельса в том, что они выявили связь идеалов с практическими потребностями общества, показав, что оно всегда имеет такие идеалы, ставит перед собой такие задачи, которые может разрешить (см.: 1. Т. 13. С. 7). Маркс рассматривал социальный идеал как «энергетический принцип» деятельности, как реальную задачу социальных преобразований. Гносеологическая проблема истинности идеала переходит для него в проблему практическую. Мы видим, что разрешение противоречий, зафиксированных в теории, оказывается возможно практическим путем, только посредством практической энергии людей, т. е. это разрешение отнюдь не является исключительно задачей познания, а представляет действительную жизненную задачу (см.: 1. Т. 42. С. 123).

Марксистская теория определяет конкретный субъект, способный превратить идеалы в действительность, — пролетариат. Это класс, реально заинтересованный в социальном прогрессе, а также в таком теоретическом отражении социальных процессов, которое позволяет представить общество во

всей полноте социальных противоречий, преодолеть магическую силу утопических форм абстрактной субъективности, выявить реальные задачи революционных преобразований бытия.

Истинное теоретическое знание об обществе, выступая логической формой разрешения противоречия должного и сущего, развертывает абстрактное содержание при определении реальных конкретных противоречий социальных процессов. Оно не только высвечивает противоречия бытия, но и выводит на пути их практического разрешения. Это знание исходит из принципа конкретной субъективности, т. е. предполагает всесторонний анализ способов реализации способностей деятельного субъекта в процессе общественного развития.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.

2. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. М., 1974.

3. Батищев Г. С. Категория противоречия и ее мировоззренческая сущность // Диалектическое противоречие. М., 1979.

4. Давидович В. Е. Теория идеала. Ростов: Изд-во Рост. ун-та, 1983.

5. Ильенков Э. В. Диалектическая логика. М., 1984.

6. Ильенков Э. В. Искусство и коммунистический идеал. М., 1983.

7. Кант И. Соч. В 6 т. М., 1963—1966.

8. Келле В. Ж., Ковальзон М. Я. Теория и история. М., 1981.

9. Лифшиц М. Соч. В 3 т. М.: Изобразительное искусство, 1984. Т. 1.

10. Лосев А. Ф. Вступительная статья к сочинениям Платона // Платон. Соч. М., 1968.

11. Марксистско-ленинская диалектика. Диалектика процесса познания. М., 1985.

12. Мустафин В. Н. К характеристике диалектических противоречий познания // Философ. науки. 1976. № 1.

13. Де Сталь. О литературе и ее связи с общественными установлениями // Литературные манифесты западноевропейских романтиков. М.: Изд-во МГУ, 1980.

14. Шулевский Н. Б. Принцип объективности познания. Предметное содержание и логические функции. М.: Изд-во МГУ, 1984.

15. Диалектическое противоречие / Под ред. Б. М. Кедрова. М., 1979; Материалистическая диалектика как общая теория развития / Под ред. И. С. Нарского, Г. И. Рузавина. М., 1982. Т. 2; Принципы противоречия в социальном познании / Под ред. Ж. М. Абдильдина. Алма-Ата: Наука, 1982; Диалектика

процесса познания // Марксистско-ленинская диалектика. В 8 кн. М., 1985. Кн. 3.
16. Алтухов В. Л. Антиномии и способ их преодоления в развитии научного знания // Вопр. философии. 1978. № 1; Горская Т. Д. О типологии диалектических противоречий в познании // Вопр. философии. 1981. № 11.

В. В. Майор

ПРОТИВОРЕЧИЕ ПОЗНАВАТЕЛЬНОГО И ЦЕННОСТНОГО И ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ЗНАНИЯ

Проблема ценностной обусловленности знания уже многие годы является предметом обсуждения философов, социологов и этиков в нашей стране и за рубежом. Значительный научный интерес представляют, в частности, вопросы о специфике познавательного и ценностного отношения субъекта и объекта познавательной деятельности. В конечном счете речь идет о диалектически противоречивой природе научного знания, изучение которой предполагает определение форм и способов взаимодействия когнитивного и ценностного, специфику его проявления в социальном знании. Последнее традиционно выясняется на основе анализа логико-гносеологического статуса ценностных высказываний.

Важность исследования этой проблемы обусловлена еще и тем, что она служит ключом к решению проблемы объективности научного знания. Буржуазными «философами науки» такие вопросы рассматриваются в контексте проблемы обоснования знания и ценностей, ценностных аспектов объективности и нормативности знания. Большое влияние на ход обсуждения данных вопросов в западной философии науки в последнее время оказывает критико-рационалистическая версия постпозитивизма. На примере этой концепции можно проследить некоторые важные направления в эволюции взглядов позитивистски ориентированных теоретиков на проблему объективности знания.

В целом взгляды большинства западных теоретиков по

вопросу о ценностной обусловленности социального знания отталкиваются от методологических установок неокантианства и позитивизма. Неотъемлемым атрибутом таких философско-социологических построений стала, восходящая к концепциям Юма и Канта, антиномия между «тем, что есть» (т. е. область научных фактов) и «тем, что должно быть» (область социальных идеалов и ценностных установок). Соотношение социальных ценностей и знания в этой концепции рассматривается недиалектически: по своему происхождению, логической структуре и социальным функциям социальные ценности принципиально противопоставляются научным представлениям и утверждениям, объявляются недоступными научному осмыслению и обоснованию.

Неопозитивизм с его лозунгом ценностной нейтральности в науке сделал следующий шаг в противопоставлении познавательного и ценностного в познании, аксиологических и научных высказываний. Суждения ценности отныне представлены лишенными смыслового значения продуктами субъективного произвола и иррациональной деятельности. Эталоном эмпирической социальной науки объявили естественно-научное знание в качестве абсолютного и идеального образца любого знания, неоспоримая фактуальность которого противопоставлялась всем умозрительным социологическим конструкциям как спекулятивным и «идеологическим». При этом неопозитивисты рассматривают эмпирическое познание как сугубо индивидуальный процесс, чья объективность обеспечивается непосредственной соотнесенностью с фактами и ценностно-нейтральным языком исследований, что, по мысли неопозитивистских методологов науки, должно было привести к желаемой цели — исключить из результатов исследования социальную позицию ученого и другие вненаучные факторы социальной детерминированности знания.

Методологической предпосылкой такого подхода к решению проблемы ценностной обусловленности социального знания в позитивистской методологической традиции является отождествление теории познания с теорией науки и сведение теории науки к логике науки. Это привело к устранению из теории познания вопросов об источнике познания, характере объекта, к сведению социальных предпосылок знания к психологически трактуемому контексту открытия. Последнему был противопоставлен контекст обоснования, в рамках которого логическими средствами устанавливается степень эмпириче-

ского подтверждения гипотезы или теории. Теория науки в этом случае свелась к анализу наличного знания.

В последнее время, однако, в рамках позитивистской традиции философии науки начинают доминировать концепции, обосновывающие невозможность абсолютного отделения и противопоставления эмпирического и философского, фактуального и ценностно-идеологического знания и моральных установок. Например, для приверженца критического рационализма крупного теоретика эмпирикоаналитической социологии Г. Альберта (ФРГ) такая точка зрения послужила исходным пунктом для разработки новой по сравнению с традиционным неопозитивизмом концепции рациональности в социальных науках. Для критического рационализма, как и для постпозитивизма в целом, характерна несколько более широкая трактовка контекста обоснования знания. В него, помимо логического обоснования высказываний и систем высказываний, включено их критическое исследование и обсуждение, т. е. ряд эвристических и прагматических (социальных) аспектов, в частности, критическая дискуссия в качестве образца социального взаимодействия и институты, которые ее поддерживают или ослабляют. Рациональность трактуется уже не только как формальная, но и как прагматическая, т. е. социальная проблема.

Такое несколько более широкое понимание контекста обоснования знания дополняется у Г. Альберта гносеологическими установками фаллибилизма и критицизма, означающими отказ от попыток обоснования знания, выходящих за рамки собственно научного исследования, и от представлений о возможности получить объективно-истинное знание. Рациональность, отождествляемая в этой гипотетико-дедуктивной модели науки с нормами критической дискуссии и принципом интерсубъективной проверяемости, становится важнейшим методологическим каноном обоснования и знания, и ценностей (принятия их в систему научного знания).

Важное место в теоретико-методологической концепции Поппера-Альберта занимает постулат волевого принятия методологических решений, в соответствии с которым вопрос о принятии эмпирического базиса в контексте проверки теории во избежание регресса в бесконечность предлагается решать волевыми действиями, мотивированными существующей техникой экспериментальной проверки фактов. Вначале это правило относилось критическими рационалистами только к эмпирическому знанию, а затем и к теоретическому. В конеч-

ном счете такого рода конвенционализм был распространен и на мировоззренческую проблематику (см.: 1). Всякое знание в данном случае становится нейтральным в том смысле, что в процессе формирования его содержание в значительной мере обусловлено волевыми действиями (коллективными или индивидуальными) субъекта познания.

Все названные приемы в трактовке рациональности Г. Альберт переносит на проблематику обоснования ценностей. В связи с этим он выделяет в философии две сложившиеся, на его взгляд, противоположные позиции: позитивистскую, с ее претензией на объективное, ценностно-нейтральное, незаинтересованное познание, и экзистенциалистскую, с ее радикальным субъективизмом, идеей ангажированности, а потому — ненейтральности решений. Обеим гносеологическим ориентациям он приписывает «фактицистское воззрение на познание, которое частично заканчивается инструменталистским толкованием науки» (см.: 2).

Важное значение для уяснения отношения Альберта к вопросу о роли и месте ценностной проблематики в социальном познании имеет его оценка веберовского тезиса о непроверяемых, конечных ценностных предпосылках знания. Философскую позицию Вебера он считает промежуточной между экзистенциализмом и позитивизмом или, иначе, экзистенциальным рационализмом, пытающимися объединить проблему рационального анализа науки и проблематику решений. К заслуге Вебера Альберт относит постановку вопроса о том, как наука может внести свой вклад в обсуждение проблем ценностей, его тезис, где говорится, что ценностные суждения ни в коем случае не могут быть устранены из сферы научной дискуссии и критики.

Идея иррациональности истинных решений, по мнению Альберта, стала общей предпосылкой позитивистских и экзистенциалистских направлений философской мысли, сформировавшихся после М. Вебера. Критикуя М. Вебера за ориентацию на классическую теорию познания, приверженность фундаментализму в вопросах обоснования им исходных («конечных») ценностей, Альберт пытается утвердить этический плюрализм в качестве инструмента преодоления имплицитно присутствующего в веберовской концепции подхода к конечным ценностям как к некритикуемым аксиомам, являющимся порогом и границей рациональной дискуссии. Собственный подход Альберт стремится представить «коррекцией» веберовского подхода к этическим высказываниям и си-

стемам, понимая их как гипотезы, а не догмы, т. е. принципиально критикуемые предпосылки.

В своем подходе к проблематике ценностей в социальном познании Альберт ставит весьма сложные и неразрешимые в рамках буржуазной философии проблемы, находящиеся на пересечении методологии, гносеологии и этики. С рядом положений, которые он выдвигает, нельзя не согласиться. Прежде всего это касается самой идеи воздействия науки на формирование этических ценностей и идеи ценностной обусловленности всякого социального знания.

В связи со сказанным необходимо отметить, что в последние два десятилетия в западной философии явно усиливается тенденция воздерживаться от жестокого противопоставления науки и морали, а также происходит проникновение науки в те сферы реальности, которые ранее находились вне рамок научного исследования. Активно изучаются объективные основы самой субъективности, ценностные ориентации в самой науке и т. д. Таким образом, выявляется историческая правота марксизма, для которого проблема ценностей никогда не содержала в себе неразрешимой антиномии. При рассмотрении данной проблематики марксизм всегда исходил из принципа социально-исторической обусловленности научного знания, последовательно проводя принцип материального единства мира, отстаивая идею органической взаимосвязи различных способов его освоения — философских, метанаучных и конкретно-научных.

Принципиальные установки марксизма в вопросе обоснования знания и ценностей вытекают из принципа материалистического монизма и принципа детерминизма. В своей совокупности данные принципы материалистической диалектики обосновывают зависимость, детерминированность явлений духовной жизни общества от процессов и отношений в сфере предметно-практической деятельности. Возникновение ценностного отношения человека к миру заложено в самом характере практической деятельности, осуществление которой есть постоянное разрешение противоречия между ее субъектом и объектом. Субъект познания и оценки в этом случае выступает в качестве субъекта практики. Само познание можно представить как постоянное разрешение противоречия между субъектом и объектом практики, результатом чего являются акты целеполагания и выбора. Оценка представляет собой одну из сторон этого процесса деятельности, через нее субъект практики осознает потребности, способы их удовлет-

ворения, действительное сознание субъекта практики становится осознаваемым бытием. В то же время между предметом познания и предметом оценки может быть только ценностная предметность, общественное бытие вещи (см.: 3). Итак, противоречивый характер социальной деятельности определяет и противоречивую природу социальных ценностей: единство объективного и субъективного моментов в их содержании. Исходя из этого, марксизм отстаивает точку зрения, согласно которой оценочные суждения есть субъективная форма отражения объективной реальности, и потому в их содержании имеются элементы объективности. Сказанное относится и к суждениям, выражающим предметные ценности, и к суждениям, отражающим так называемые субъективные ценности или ценности сознания (см.: 4).

В исследованиях советских ученых показано, что, несмотря на ряд принципиальных различий, между фактуальными и ценностными суждениями есть структурно-генетическая связь, поскольку и те и другие являются в конечном счете результатом деятельности человека, субъективным образом объективного мира и что, таким образом, можно реконструировать объективные фактуальные основания любого ценностного суждения (см.: 15). Единство познания и оценки предстает как один из аспектов противоречия между субъектом и объектом, как противоречие процесса познания действительности и, стало быть, самосознания субъекта. На уровне общественного сознания взаимодополненность и противоположность знания и оценки обнаруживается в социально-научном сознании и самосознании общества. Противоречивое единство знания и оценки с точки зрения марксизма внутренне присущи результатам всякого познания, в том числе и социального. Исследования советских философов, как об этом пишет Л. А. Микешина, показали, что «всякая деятельность предполагает оценивание, и соответственно оценка как результат... содержит в себе элементы выбора, предпочтения, склонности и других субъективных моментов, что в ней присутствуют те или иные идеалы, нормы и принципы» (6). Речь в данном случае должна идти и о мировоззренческих и методологических нормах и принципах, которые сопровождают процесс познания. Так, ценностный характер социального знания, воспроизводимый в субъект-объектном отношении, находит выражение в содержании составляющих теорию понятий.

Объективные закономерности общественно-исторического процесса обусловливают наличие объективно-должного в цен-

ностно-нормативной сфере общественного бытия. Осознание социальным субъектом деятельности своего объективного положения и роли в системе общественных отношений формирует его представления об объективном должном, характер его социальных потребностей и интересов, а также определяет содержание его ценностных установок и идеалов. Гносеологический субъект и объект выступают всего лишь как результат абстрагирования от различных сторон и свойств практического субъекта и объекта. Это означает, что всякое обоснование ценностей, истинности ценностных высказываний должно опираться на сочетание гносеологического, социологического и культурно-исторического методов исследования в их неразрывном единстве.

Анализ идей постпозитивистов о замене обоснования норм и ценностей социального познания их критикой и решение ими на этой основе проблемы объективности в социальном познании требует еще раз внимательно рассмотреть вопросы о научном инструментарии такой критики и функциях принципа рациональности в системе взятых средств.

Критико-рационалистическое и в целом постпозитивистское решение проблемы обоснования знания и ценностей, как это следует из приведенных высказываний Г. Альберта, покоится на характерном для позитивистской традиции отказе от общемировоззренческой теории, соответственно от постановки и решения основного вопроса философии и замене его сциентистски интерпретируемым принципом рациональности. Наука в этом случае представляется как самостоятельный и относительно замкнутый вид деятельности, отгороженный от других видов духовно-практического освоения мира, в частности, от философского рассмотрения гносеологических аспектов человеческой деятельности в целом, что приводит к игнорированию социальных детерминант и диалектически противоречивого характера познавательной активности.

Характерным для теории познания Г. Альберта, как и для других критических рационалистов, является отказ от возможности окончательного обоснования гипотез, а следовательно, от объективной истины и ее критерия. Это приводит к примирению рационализма и агностицизма. Обоснование знания заменяется оценкой и выбором, осуществляемым на основе формально-логических процедур. Оценка у Альберта хотя и выступает в качестве одной из сторон научной деятельности, но затушевывает все многообразие проблемы ценностной обусловленности знания, поскольку оторвана от со-

циальных характеристик субъекта познания и нацелена на взаимоисключение познавательного и ценностного отношений. Этот вывод подтверждает программное требование Альберта об устранении из языка социальной науки ценностных высказываний. Более того, отказ от ценностных высказываний, по Альберту, становится едва ли не главным гарантом объективности в процессе эмпирического социального познания и важнейшим условием его «технологической применимости». Такой подход критического рационалиста к вопросу о теоретико-познавательном статусе ценностных высказываний является весьма симптоматичным. Он указывает на непреодоленность основных недостатков неопозитивистской трактовки ценностной обусловленности социального знания, вытекающей из слишком узкого понимания самой природы ценностного отношения. Ценностное отношение трактуется здесь односторонне и сводится преимущественно к эмоциональной окрашенности знания, его зависимости от личностных параметров ценностного сознания. Логико-методологические параметры ценностного отношения, находящие выражение в мировоззренческих предпосылках выбора познавательных процедур при этом игнорируются. В марксистской литературе, например, отмечается, что конститутивный характер любого теоретического знания не исключает его ценностной ориентации в определенном смысле, поскольку каждая теория в той или иной степени обладает методологической функцией, представляющей не что иное, как новую ценностную ориентацию, образованную на объективной основе. Такого рода выводы о характере ценностной обусловленности знания нацеливают методологов на исследование социально-исторической обусловленности различных типов рациональности, на конкретно-исторический анализ различных образов научного знания, системы норм и идеалов научного знания, системы норм и идеалов научного познания, опирающихся на вненаучные, в том числе и философские составляющие этой объективной основы. Только этот анализ открывает путь к более полному решению проблемы социальной обусловленности и объективности знания. Объективность социального знания не может быть достигнута ни устранением ценностных высказываний из языка социальной науки, ни канонами «безосновной» критической дискуссии, нацеленной на постоянный пересмотр теоретических и ценностных оснований знания. «Наука как культурный феномен, олицетворяющий собой дух высокого критицизма, может успешно осуществляться лишь в формах, имманентно

ограничивающих критицизм. В противном случае «свобода критики» превращается в свою противоположность — в ограничении всякой успешной деятельности и в конечном счете ведет к параличу познания» (8). В социальном познании такая констатация вырастает в методологическое требование сознательного включения в теоретический фундамент эмпирической науки философски обоснованных, объективно-истинных ценностных положений, поскольку ценностный подход не только не противоречит научной объективности, но становится важнейшим ее условием (см.: 9).

1. Панин В. А. Диалектический материализм и постпозитивизм. М., 1981. С. 46—47.
2. Albert H. Traktat über Kritisch Vernunft. Tabingen, 1979. С. 68.
3. Брожик В. Марксистская теория оценки. М., 1982. С. 68.
4. Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 765.
5. Навозов В. Ф. О связи дескриптивных и ценностных суждений // Проблемы методологии и логики науки. Томск, 1969. Вып. 5. С. 69—76.
6. Микешина Л. А. Познавательный процесс и ценностное сознание // Диалектика познания. Компоненты, аспекты, уровни. Л., 1983. С. 122.
7. Навозов В. Ф. Там же. С. 71.
8. Человек и культура / Под ред. И. С. Вдовиной, Т. А. Клименковой. М., 1985. С. 33.
9. Философия и ценностные формы сознания / Под ред. Б. Т. Григорьяна. М., 1978. С. 21.

В. Ф. Навозов

ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РАЗВИТИЯ ЧЕРЕЗ БОРЬБУ ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ — ФИЛОСОФСКАЯ ОСНОВА ТЕОРИИ РЕВОЛЮЦИОННОГО ДЕЙСТВИЯ

Развитие общественной жизни отличается от развития других форм материи тем, что оно осуществляется при активном участии сознания. Однако лишь в эпоху перехода от капитализма к коммунизму стало возможным научное управление социальными процессами на основе диалектическо-

го и исторического материализма. Эта возможность дает революционному марксизму огромные преимущества перед противниками.

Известно, что такие теоретики II Интернационала, как Г. В. Плеханов и К. Каутский, видели в диалектике, говоря словами Н. И. Подвойского, прежде всего «генеалогическую классификацию универсума». Логика социальной истории казалась вполне согласованной с исторической картиной мира и наводила на мысль о фатальном по существу характере общественного прогресса. В соответствии с этим представлением о развитии, социализм казался неизбежным результатом постепенного накопления его предпосылок. Он должен был появиться в передовых странах, где накопление достигнет степени, необходимой для качественной трансформации общества. Роль пролетариата как субъективного фактора социального прогресса сводилась к тому, чтобы в момент кульминации созревания социалистических предпосылок «подключиться» к объективным изменениям, устранив власть буржуазии — изложившего себя, рудиментарного класса. Революция представлялась более или менее одновременным актом пролетариев передовых стран, осуществляемым с преобладанием «демократических» и мирных средств.

Вместо ожидаемого развертывания событий разразилась первая мировая война. Казалось, что в ходе ее разрушались материальные предпосылки будущего, а миллионы трудящихся, убивая друг друга, навсегда уничтожили и свою классовую солидарность. Теперь надежды на мировую пролетарскую революцию представлялись оппортунистам совершеннейшей «иллюзией». Надежды на социальный прогресс — планомерное производство и распределение, ликвидация войн и т. п. — оппортунисты полностью возложили на собственную эволюцию капитализма в «ультраимпериализм», да и то в неопределенной, дальней перспективе.

В последнее время появился ряд интересных работ, посвященных ленинскому подходу к диалектике как методу анализа революционного процесса (см.: 1). Однако в них обычно рассматриваются отдельные диалектические приемы вне связи с особенностями ленинской концепции развития в целом. Концепция, изложенная во фрагменте «К вопросу о диалектике», рассматривается как «марксистская вообще», без учета ленинского отношения к ней, обусловленного спецификой задач, поставленных конкретно-исторической обстановкой.

На первый взгляд, Ленин подходил к двум концепциям

развития в чисто историческо-философской перспективе подобно тому, как он выделял две линии в философии Демокрита и Платона. Однако на деле Ленина особенно волновали тогда актуальные проблемы развития империализма. Он подчеркивал недостаточную разработанность диалектики как теории познания *марксизма,* который является прежде всего учением политическим. Следовательно, и разработка диалектики осуществлялась с целью ее революционного применения. Ленин упрекал Плеханова и других марксистов в непонимании политической роли диалектики и особенно ее «ядра». Обратим внимание на то, что Ленин говорил о второй концепции развития не как об отрицании развития вообще, а как его *ином* понимании, хотя он и ставил в скобках слово «эволюция», позволяющее «обобщить» обе концепции. В первой концепции, лишающей материю «ее собственной двигательной силы», мы узнаем доктрину равномерного однолинейного прогресса, исповедуемую теоретиками II Интернационала.

Отметим особенности ленинской концепции.

1. У оппортунистов развитие интерпретируется законом отрицания отрицания, рассматриваемым в отрыве от борьбы противоположностей как собственной двигательной силы процесса. Ленин понимает закон отрицания отрицания, подобно Энгельсу, как «закон развития через противоречие».

2. Закон единства и борьбы противоположностей Ленин рассматривает как ядро всей диалектики и, таким образом, как фундамент действия (и объяснения) двух других основных законов диалектики.

3. Применительно к закону отрицания отрицания это означает, что возникновение нового качества осуществляется лишь через борьбу нового со старым, а не «автоматически». Применительно к закону перехода количественных изменений в качественные это означает, что накопление нового, качественный переход, ускорение процесса («перерыв постепенности», переход «качества в количество») также осуществляются через борьбу, через преодоление старого.

4. В законе единства и борьбы противоположностей Ленин особенно выделяет два момента: А — борьбу как источник *самодвижения,* Б — способность противоположностей к взаимному превращению.

5. Взаимопревращение противоположностей рассматривается как возможность целенаправленно влиять на развитие событий.

Первый вывод, который следует из ленинской концепции

развития в отношении позиции марксистской партии и рабочего класса, — это вывод о необходимости их революционной активности в качестве условия перехода к социализму. Решительный отказ от трактовки социального прогресса как «фатального» роста социалистических предпосылок (и, соответственно, уменьшения потенций буржуазии). Отказ от установки на повторение прежних условий (мирных, поступательных и сравнительно синхронных) в общественно-историческом процессе, представление об этом процессе как о разнонаправленном, разновременном (и в смысле неоднородности развития отдельных регионов, и в смысле различной скорости изменения сфер общественной жизни), порой катастрофическом вследствие столкновения сил с разными интересами, требует от исторического субъекта активной борьбы за реализацию прогрессивных целей.

Сделаем некоторые пояснения. В понятии «скачка» («перерыва постепенности») применительно к социальным изменениям для В. И. Ленина было важно не только то, что характеризует его как качественное превращение, совершающееся в историческом времени, но и то, что содержится в дополнительном значении термина «скачок» — ускорение, интенсификация изменений во времени. Ленин не был склонен употреблять термин «скачок» и его социологический синоним «революция» по отношению к замедленным переходам, к тому же осуществляемым в угоду интересам реакционных классов (например, «прусский путь развития»). Ленинское понимание «скачка» как радикального и ускоренного разрешения противоречий соответствовало исторической ситуации. Этим же обусловливалось употребление термина «переход в противоположность», который и теперь иногда кажется «недостаточно обобщающим», характерным лишь для определенных условий развития. Современники В. И. Ленина, даже марксисты, принимали термин еще менее охотно. Так, Подвойский предлагал говорить не о переходе в противоположность, а о переходе в «существенно иное» (см.: 2). Однако словоупотребление, принятое Лениным, определялось не «кокетничанием с гегелевской терминологией», как полагал Подвойский, а было обусловлено именно особенностями ленинского подхода к диалектике как теории познания во имя революционного преобразования. Для Подвойского явления — это лишь ступени «филогенетического развития», т. е. результаты некоторых, ранее осуществленных переходов. Они действительно имеют характер сущ-

ностей, уже определившихся как *внешние* по отношению друг к другу. Ленин же исследует механизм самого перехода, которому на деле всегда предшествует поляризация свойств, составляющих внутренне противоречивую сущность одного и того же явления. Одним из важнейших условий превращения противоположностей служит степень зрелости противоречия, составляющего суть данного развивающегося явления, превращение противоречивых тенденций именно в противоположности, исключающие друг друга, не способные далее уживаться друг с другом. Ленин осмыслил империализм как *переходную эпоху,* содержащую в себе не только предпосылки социализма, но стадию, при которой безмерно обостряются все капиталистические противоречия, что делает его уязвимым, умирающим капитализмом. Война до предела обнажила эти противоречия, так что «человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому революционному классу для быстрейшего и радикальнейшего перехода к более высокому способу производства» (3). Речь шла о переходе к общественному порядку, действительно противоположному капитализму, о переходе, осуществляемом посредством борьбы противоположных классов и превращения пролетариата из угнетенного класса в господствующий.

Однако мало видеть *общую* возможность и необходимость перехода капитализма в социализм. Вследствие неравномерности развития империализма, переход к социализму не может быть осуществлен как «разовый», одновременный акт, но только «в виде *эпохи,* соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и целый ряд демократических и революционных, в том числе национально-освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» (4). Отсюда, по мнению Ленина, вытекает необходимость наличия «объективных условий социальной революции с точки зрения экономической зрелости разных стран» (4).

Где и с чего можно и следует начинать революционный путь к социализму, как его продолжать вплоть до окончательной победы? Правильно понятая диалектика способствовала правильному ответу на поставленные вопросы, ибо она «есть учение о том, как могут быть и как бывают тождественны противоположности, при каких условиях они бывают тождественны, почему ум человека не должен брать эти противоположности за мертвые, застывшие, а за живые, условные, подвижные, превращающиеся одна в другую» (5). Дан-

ное ленинское определение диалектики существенно дополняет изложение ленинской концепции развития во фрагменте «К вопросу о диалектике», явно примыкая к нему с точки зрения содержания. Одним из таких условий, при которых противоположности становятся (бывают) тождественными, является опосредованность их взаимоперехода. Вслед за Энгельсом Ленин подчеркнул необходимость соединения принципа развития с принципом единства мира для объяснения сущности подобных переходов (см.: 6).

Как известно, В. И. Ленин считал, что прорыв империалистической системы должен произойти не в наиболее мощных ее звеньях, т. е. в экономически развитых странах, но там, где наиболее остры империалистические противоречия. Задача же революционеров заключается в создании организации, которая была бы способна руководить массами, помогала им в осознании целей и средств движения (см.: 7). Непосредственное начало революции «может разгореться не только из-за крупной стачки или уличной демонстрации, или голодного бунта, или военного восстания, или колониального мятежа, но из-за любого политического кризиса, вроде дела Дрейфуса или цебернского инцидента, или в связи с референдумом по вопросу об отделении угнетенной нации и т. п.» (8). Здесь обнаруживается совершенно очевидно, как превращается в принцип практического действия рассуждение Ленина о диалектике общего и отдельного, необходимого и случайного, о развертывании всего будущего содержания из «самого простого», «массовидного», из «любого».

Чрезвычайно важно применение Лениным учения о превращении каждого явления в свою противоположность в смысле отказа от мертвой, затверженной его оценки. Мы и сейчас порой допускаем подобный догматизм, только приписывая ситуациям иной знак, повторяя многие годы, что российские условия были наиболее благоприятными для революции: была война, за которой империалисты «проглядели» наше выступление; трудящиеся нашей страны эксплуатировались как нигде, а потому были особенно революционны; нашими союзниками было многочисленное крестьянство и десятки угнетенных народов и т. п. Мы забываем, однако, что каждый из этих факторов в известном отношении был также и препятствием для успешного начала и осуществления революции, а оппортунисты рассматривали их даже как непреодолимые препятствия, поскольку видели только их действительные негативные стороны. В самом деле, особый гнет соз-

давал и особенно тяжелые условия для революционной борьбы, военный режим ужесточал его многократно. Значительная часть революционных рабочих была умышленно отправлена на фронт, на верную гибель. Крестьяне и мелкая буржуазия в силу своей классовой природы были склонны к серьезным колебаниям. Национальное движение имело значительные центробежные тенденции, что использовалось империалистами для натравливания народов друг на друга.

Однако В. И. Ленин действительно сумел обнаружить в каждом из этих явлений внутреннюю возможность превращаться в свою противоположность, способствующую революции. Такое превращение происходит лишь при определенных условиях. Например, крестьянство могло стать союзником рабочих, если получало из их рук землю (притом на условиях, наиболее приемлемых для большинства крестьян) и если рабочая власть прекращала войну. Нерусские народы стали союзниками пролетариата, достигнув действительного равноправия (а наиболее отсталые даже получив временные привилегии), при условии объединения на основе полной добровольности и т. д. и т. п.

Таким образом, рассмотренные примеры демонстрируют следующее. Во-первых, в каждой взятой ситуации необходимо вычленить благоприятную для революционного класса сторону и выяснить, чем она может быть неблагоприятной для его противников. Во-вторых, надо видеть, какие объективные условия, а также собственные действия субъектов истории могут усилить (или, если нужно, ослабить) эти стороны. Только объективная, адекватная, всесторонняя оценка всех обстоятельств дела гарантирует нас от ошибок в действиях. В свою очередь, правильная оценка ситуации позволяет оформиться политической идее, которая включает и установку («лозунг») политической борьбы, и детальное целеполагание (план).

Некоторые философы (например, П. В. Волобуев) уже обратили внимание на ленинскую критику такого подхода к общественному развитию, когда ученые видят лишь его общую линию, но не замечают возможности изменения формы или порядка развертывания событий. Примеры, приведенные выше, касаются формы развития. Суть их сводится к особенному и индивидуальному проявлению общей закономерности. Что касается «порядка», то обычно в литературе ограничиваются лишь *примерами* его изменения. Так, и культурная, и техническая отсталость нашей страны не стала, как известно, помехой для успешного начала социалистической революции.

Наоборот, Россия получила возможность ликвидировать эту отсталость благодаря установлению общественной собственности на средства производства.

Не претендуя на всесторонний анализ инверсии* (см.: 9) в порядке развертывания социальных событий, сделаем одно замечание. Эта инверсия не может осуществляться при нарушении *основной* логики социально-экономической необходимости. В самом деле, Россия была страной со средним развитием капитализма. Его экономические противоречия отразились в политических и идеологических трансформациях, которые, в свою очередь, стали стимулом дальнейших экономических изменений. Оценивая возможности развития социализма в России (еще накануне революции), В. И. Ленин исходил из того, что ее экономика является частью мирового хозяйства. Технический и культурный опыт передовых стран может поэтому стать достоянием революции. При наличии самой передовой политической системы и общественной формы производства и распределения создается возможность догнать и перегнать передовые капиталистические страны также и в экономическом отношении (см.: 9. С. 198).

Кроме того, «инверсия в порядке» (революцию начинают не самые экономически передовые страны, а передовые подключаются позже) опирается на особый характер экономических закономерностей империализма, который, в отличие от капитализма домонополистического, выступает единой системой хозяйства. Известно, что прочность системы определяется ее слабейшим звеном. Поэтому, как отмечал В. И. Ленин, революция и не могла начаться в «преуспевающих» странах с основательным слоем «рабочей аристократии». Значит, указанная инверсия детерминируется именно природой империализма, впервые научно исследованной Лениным.

Итак, В. И. Ленин в условиях революционного кризиса в России придал диалектике новую функцию, в которой она до этого по существу не выступала. Возможность подобного социального функционирования диалектики связана с возникновением партии нового типа и высокой степенью организованности и сознательности революционного пролетариата. Эта сторона диалектики выявляет способность ее в исключительно сложных, быстро меняющихся политических условиях давать адекватные оценки и на их основе оперативно выра-

* Термин «инверсия» заимствован из математики и применен к характеристике перемещений в порядке необходимых событий П. В. Волобуевым (см. указ. работу. С. 86).

батывать и применять гибкие и точные практические решения. Использование диалектики для целенаправленного воздействия на социальные изменения потребовало существенной разработки диалектической концепции развития, особенно — учения об условиях взаимного превращения противоположностей.

1. Пантин И. К. К анализу методологических аспектов ленинской политической теории // Вопр. философии. 1980. № 6. Херман Иштван. В. И. Ленин об исторической альтернативе//Вопр. философии. 1980. № 12; Кешелава В. В. Об одной черте ленинской методологии // Вопр. философии. 1981. № 6; Волобуев В. В. О проблеме выбора путей общественного развития // Вопр. философии. 1984. №№ 1, 2 и др.; Политический доклад ЦК КПСС. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986. С. 3.
2. Подвойский Н. И. Письма о диалектике // Вопр. философии. 1980. № 3. С. 128.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 197—198.
4. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 113.
5. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 98.
6. Ср.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 551; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 229.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 112.
8. Там же. С. 254—255.
9. См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 198.

Л. В. Лесовская

К ВОПРОСУ О ЕДИНСТВЕ ПРОДУКТИВНОГО И РЕПРОДУКТИВНОГО В ТВОРЧЕСТВЕ

В последние годы в советской философской литературе разрабатываются многие аспекты теории творчества, в том числе вопросы, связанные с источниками, внутренним механизмом творческой деятельности. Выделен и проанализирован целый комплекс противоречий, характеризующих различные стороны творческого процесса: соотношение свободы и необходимости, индивидуального и родового, объективного и субъективного, старого и нового и т. д. (см.: 12). Этот аспект противоречивой природы в исследовании творчества

представляется особенно важным. «Собственно творческая деятельность, — справедливо замечает в этой связи А. Л. Сорокин, — по своему содержанию, по своей логике развертывания всегда есть решение конкретно-содержательного противоречия или целой системы противоречий» (8. С. 279).

Взаимосвязь репродуктивного и продуктивного в творчестве — одна из граней его противоречивой природы. Как известно, в научной литературе нет однозначного подхода к вопросу о сущности и содержании творчества. Думается, что это в значительной степени связано и с различным пониманием соотношения продуктивного и репродуктивного в творческом процессе. Все многообразие взглядов на данный вопрос может быть сведено к следующим положениям:

1. Творчество есть исключительно «механизм продуктивного развития». Эта деятельность, предполагающая порождение нового, «никогда ранее не бывшего». Репродуктивный момент несовместим с творчеством, как принципиально чуждый ему. Выбор оптимального варианта решения какой-либо задачи не может рассматриваться как акт творческой деятельности, это есть лишь как воссоздающая репродуктивная деятельность, случай, когда проблему продуктивности может быть, вообще нет смысла ставить. (см.: 9. С. 18).

2. Не только репродуктивный, но и продуктивный момент в деятельности не связывается с творчеством на том основании, что концепция продуктивности ориентирована преимущественно на учет готовых результатов человеческой деятельности и в конечном счете сводит суть творчества к вещественному богатству общества. Главное же в творчестве не ограниченный вещественный результат, а интеграция самой способности человека к воспроизводству и производству культуры. Поэтому творчество должно рассматриваться «не как механизм продуктивного развития, а как механизм личностного развития индивидов» (3. С. 61).

3. Репродуктивное и продуктивное рассматриваются как противоречивые моменты единого творческого процесса. Человеческая деятельность не только репродуктивна, т. е. она постепенно осуществляет повторение, воспроизводя условия своего существования, что определено и обеспечено имеющимися знаниями, но и продуктивна, изменчива, так как даже простое воспроизводство предполагает наличие изменившихся обстоятельств, времени, структуры самой деятельности (см.: 6. С. 179—180). Уже сама необходимость сохранения себя как вида заставляет людей постоянно изменять и пре-

образовывать свою деятельность. С другой стороны, научно-технический прогресс, предъявляющий высокие требования к постоянному совершенствованию технологических операций, новаторству немыслим, однако, без соблюдения стандартов, без следования строгим схемам, правилам, стереотипам.

Рассмотрим приведенные точки зрения. Представление о творчестве как исключительно продуктивной деятельности, понимаемой в смысле изучения новых, «не бывших ранее» результатов, несет отпечаток связи с исторической традицией конца XIX — начала XX веков (М. А. Блох, Б. А. Лезин и др.). Это представление распространено в современной литературе достаточно широко, но оно лишь на первый взгляд кажется безупречным. При более внимательном рассмотрении обнаруживаются значительные теоретические трудности. Прежде всего, не очень ясно само понятие «новое». Значит справедливо замечание, что «во многих работах понятие нового, новизны никак не определяется, его смысл предполагается интуитивно ясным» (5. С. 11); в сущности это означает подмену научного термина термином обыденного языка во всей его многозначности. Конечно, открытый характер процесса развития вообще и творческой деятельности в частности выражается в возникновении нового. Но вопрос о том, «что такое новое как специфический признак и критерий развития ждет более четкого и глубокого решения» (4. С. 25). Говоря о важности точного определения нового, следует иметь в виду то обстоятельство, в соответствии с которым существует позитивистская трактовка данного понятия: новое рассматривается как такое явление, которого нет нигде больше во вселенной; но поскольку это принципиально недоказуемо, то вопрос о новом теряет всякий рациональный смысл и объявляется псевдопроблемой. Такое понимание предполагает непостижимым таинство творческого акта, ибо возникновение нового оказывается необъяснимым. Подобный подход ставит под сомнение принципиальную возможность логической организации творческого процесса, поскольку в этом случае данный процесс предстанет как нетворческий, репродуктивный (см.: 7. С. 40).

Точка зрения, связывающая сущность творчества с самодеятельным трудом, с общественным качеством человеческой деятельности, безусловно, представляется наиболее убедительной. Однако и она, на наш взгляд, не свободна от односторонности.

Действительно, вряд ли правомерно противопоставлять

личностный аспект творчества продуктивному как «ограниченному вещественному результату» (3. С. 61). Творческое развитие личности предполагает объективирование ее деятельности, в чем и находит выражение противоречивая природа этого процесса, ибо проявления творческой сущности человека возможно лишь «как самоосуществление, *предметное* воплощение субъекта» (1. С. 46; Ч. II. С. 109—110).

Следует отметить также: понимание продуктивного как вещественного результата неточно, более того — неверно, так как действительный смысл этого понятия (от латинского productivus) означает *производительный, плодотворный*, но отнюдь не результативный, тем более вещественный.

Выступая против концепции продуктивности, ряд авторов исходит из того, что не любой вещественный результат характеризуется творческим началом. Утверждается, в частности, что изобретение средств массового уничтожения ничего общего с творчеством не имеет, ибо не скорректирован с коренными интересами человечества (см.: 11).

Вероятно вопрос более сложен, чем это выглядит в приведенной постановке, поскольку суть творческого процесса и проблема использования его результатов — далеко не одно и то же. Открытие разрушительной силы атома само по себе не является угрозой для существования человечества. Необходимо только сделать все для устранения условий злоупотребления этим средством. Подобное изобретение не создает новой проблемы, но делает настоятельным разрешение старой.

Отмеченные теоретические трудности так или иначе связаны с ограниченным пониманием взаимосвязи продуктивного и репродуктивного в творчестве.

Репродуктивное и продуктивное можно рассматривать как характеристики разных видов человеческой деятельности, когда одна выступает в качестве рутинной, шаблонной, нетворческой работы, а другая — преобразующей, творческой тенденцией. Именно так характеризуют деятельность малоквалифицированного работника и деятеля искусства. Этот подход, конечно, правомерен, к тому же он прочно утвердился в обыденном сознании. Но есть и другой подход: с позиции понимания противоречивого единства продуктивного-репродуктивного как моментов единого творческого процесса.

Репродуктивное в творчестве означает повторяющееся воспроизведение объекта в относительно стабильной форме, что обусловлено объективно существующей относительной устой-

чивостью явлений. Но это лишь одна сторона творчества. Другая — продуктивный момент заключается в преобразующем производственном характере деятельности. Это приращение (как результат деятельности) оказывается осуществлением возможностей, заключенных в природной и общественной среде.

Коренной основой существования и развития всех явлений в мире выступает противоречие. Это не раз подчеркивал В. И. Ленин при характеристике самодвижения, указывая на «внутренние импульсы к развитию, даваемые противоречием, столкновением различных сил и тенденций, действующих на данное тело или в пределах данного явления или внутри данного общества» (2. Т. 26. С. 55).

Именно такими сторонами противоречия, имманентно присущими творчеству, одновременно тождественными и различными, взаимно дополняющими и исключающими друг друга выступают, на наш взгляд, продуктивный и репродуктивный моменты. При анализе противоречия надо учитывать, что одна из противоположностей обязательно будет ведущей, а значит, определяющей ход развития и способ разрешения противоречия, «одна из крайностей берет верх над другой» (1. Ч. I. С. 322). Ведущей противоположностью в творчестве выступает продуктивное, ибо ему принадлежит решающая роль в выдвижении новых подходов, идей, принципов. Но без репродуктивного, придающего деятельности системность, преемственность и стабильность, процесс утратит определенность и содержательность.

В результате разрешения противоречия между продуктивным и репродуктивным осуществляется выход за пределы репродуктивного. Однако он всегда относителен, ибо с помощью продуктивного не только преодолевается устаревшая система, но и создается новая, столь же динамичная и стабильная, как и прежняя. Эта относительность продуктивного и репродуктивного означает, таким образом, возможность их взаимного перехода друг в друга: что продуктивно на данном этапе творчества, репродуктивно на другом.

Такое понимание взаимосвязи и роли продуктивного-репродуктивного по-иному освещает процесс возникновения и смысл нового в творчестве. Новизна выступает как необходимый момент разрешающего противоречия, в том числе противоречия между репродуктивным и продуктивным. Момент новизны — обязательный момент движения (развития), он определяется генетической природой разрешающегося проти-

воречия. «Именно потому, что коренное противоречие данной вещи, разрешаясь, воспроизводится (при относительно неизменных условиях существования противоречия) как то же самое противоречие, всякий раз... воспроизводится и снимающий данное противоречие результат, т. е. воссоздается (воспроизводится) основание (сущность), а следовательно, и «то же самое» качество вещи» (10. С. 9).

Итак, анализ противоречия продуктивное-репродуктивное в творчестве позволяет характеризовать его как важную внутреннюю пружину развертывания и осуществления творческой деятельности.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч.
3. Гольдентрихт С. С., Пьянова Л. А. К вопросу об общей теории творчества // Вестн. МГУ. Сер. «Философия». 1983. № 2.
4. Ильичев Л. Ф., Давыдова Г. А. Материалистическая диалектика и проблемы развития // Вопр. философии. 1983. № 3.
5. Иванов В. Г., Лезгина М. Л. Детерминация научного поиска. Л., 1978.
6. Коршунов А. М. Отражение, деятельность, познание. М.: Политиздат, 1979.
7. Лавров С. Творчество и алгоритмы // Наука и жизнь. 1985. № 3.
8. Принципы материалистической диалектики как теории познания. М.: Наука, 1984.
9. Пушкин В. М. Эвристика — наука о творческом мышлении. М.: Политиздат, 1967; см. также: Гайденко В. Творчество // Философская энциклопедия, 1970. Т. 5; Проблемы научного творчества в современной психологии. М., 1971.
10. Райбекас А. Я. О соотношении понятий «движение» и «развитие»: состояние проблемы. Принципы подхода к решению // Принципы развития и познание природных и социальных процессов. Красноярск, 1983.
11. Шулевский Н. Б. Диалектика необходимости и свободы в творческой деятельности // Творчество и социальное познание. М.: Изд-во МГУ, 1982.
12. См., например, Давыдова Г. А. Творчество и диалектика. М.: Наука, 1976; Гольдентрихт С. С., Пьянова Л. А. К вопросу об общей теории творчества // Вестн. МГУ. Сер. «Философия». 1983. № 2.

И. Я. Стернин

ПРОТИВОРЕЧИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА

Стратегический курс партии, разработанный XXVII съездом КПСС,— это курс на ускорение темпов социально-экономического развития общества (см.: 1). Поиск внутренних резервов ускорения развития экономики заставляет экономическую науку все в большей мере обращаться к исследованию движущих сил социалистической интенсификации производства. Исходным пунктом для политэкономического исследования движущих сил и закономерностей интенсификации производства является известное положение В. И. Ленина о диалектическом характере общественного развития, «идущего в противоречиях и путем противоречий» (2).

Во многих научных публикациях противоречия социалистической интенсификации производства рассматриваются не столько с точки зрения их внутренней природы, сколько с точки зрения скорейшего преодоления противоречий (см.: 3). При этом наблюдается смешивание внутренних противоречий интенсификации как источников ее ускорения с недостатками, вызванными субъективной деятельностью людей, просчетами в хозяйственной жизни общества. Данный подход к анализу противоречий социалистической интенсификации производства является следствием глубоко укоренившегося стереотипа, согласно которому противоречия могут иметь только отрицательное значение.

В результате проблема воспроизводимости противоречий, взаимоперехода, взаимообогащения их противоположностей выпала из поля зрения экономистов, исследующих закономерности социалистической интенсификации производства. Не случайно на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС вновь было подчеркнуто, что «развивающийся социализм, диалектика его движущих сил и противоречий, реальное состояние общества не стали объектом глубоких научных исследований» (4). Недостаточная познанность противоречий интенсификации — одно из препятствий ускорения социально-экономического развития общества и создания хозяйственного механизма, адекватного настоящему этапу его зрелости. Отдельные

попытки экономистов вычленить противоречия интенсификации как источники развития сводятся в основном к анализу несоответствий, коллизий фаз воспроизводства.

Несводимость противоречий интенсификации отношений воспроизводства только к проблеме «противоречий фаз воспроизводства и процессов интенсификации всех этих фаз» (5) обусловлена следующим обстоятельством. Пофазный принцип членения отношений воспроизводства, не касается его общественной формы, а лишь ее предполагает. Выделяя эти моменты, К. Маркс как бы абстрагировался от общественной формы производства, подчеркивая, что они имеют место при любой форме собственности. Поэтому предпринимаемые попытки вычленить специфические источники становления интенсивного типа воспроизводства в условиях социализма оказываются мало продуктивными. Только вскрывая диалектическое общее и специфическое в движущих силах интенсификации можно обнаружить внутренние резервы для ускорения. Недостаточный учет в анализе интенсификации специфических источников развития приводит к недооценке тех внутренних резервов ускорения, которые таятся в социально-экономической природе нового способа производства. В то же время абсолютизация специфических противоречий интенсификации означает, что разрывается историческая цепь в развитии производства в различных социально-экономических условиях. Вообще противоречия интенсификации, схватывая общее в интенсивном развитии различных форм общественного производства, служат обязательной ступенькой в познании специфических источников становления интенсивного типа воспроизводства. Для выявления общего специфического в движущих силах социалистической интенсификации необходимо рассмотреть процесс действительного труда, продуктом которого она является (см.: 6). Труд как целесообразная деятельность всегда представляет собой определенное единство живой и опредмеченной деятельности. Живая и опредмеченная деятельность не существует сама по себе, одна без другой, а лишь через взаимопереход и взаимоотрицание, выступая сторонами одного и того же процесса, «как различие в пределах существования одной сущности» (7). Именно во взаимном переходе живого и овеществленного труда заключен процесс действительного труда, его материальное бытие.

Ведущей стороной внутреннего противоречия действительного труда выступает живая трудовая деятельность, которая, по известному образному выражению К. Маркса, «воспламе-

няет» средства производства. Живой труд, овеществляясь, преобразует наличную опредмеченную деятельность, т. е. отрицая ее, развивает средства производства, а более совершенные средства производства служат предпосылкой развития живой трудовой деятельности. Таким образом реальное общеисторическое движение общественного производства происходит в результате непрерывного овеществления живого труда в средствах производства, которые каждый раз запечатлевают новый уровень развития живого труда и каждый раз представляют живому труду условия для нового цикла саморазвития.

Общеэкономическое содержание процесса интенсификации производства наиболее концентрировано выражается в изменении технического строения производства (см.: 8) и росте производительной силы совокупного общественного труда (см.: 9). Процесс возрастания производительной силы совокупного труда с точки зрения его общеэкономического содержания можно представить как процесс непрерывного овеществления живого труда таким образом, что общая сумма труда в единице продукта систематически уменьшается путем превращения овеществленного необходимого труда в свою противоположность — овеществленный прибавочный труд (см.: 10). Отрицание прибавочным трудом необходимого труда и превращение последнего в прибавочный труд К. Маркс рассматривал как исходный пункт интенсификации производства (см.: 11).

Эффективность живого труда и величина прибавочного продукта в каждый данный момент зависит от качественного состояния вещественного фактора производства как воплощения прошлой деятельности. Производительная сила живого труда всегда имеет определенные пределы, перешагнуть которые при данном уровне развития средств производства производители не могут. Для развития живого труда на интенсивной основе, как отмечал К. Маркс, необходим переворот в технических и общественных условиях процесса труда, а следовательно, и в самом способе производства (см.: 12).

Средства производства развиваются под влиянием растущих потребностей производителей в прибавочном продукте, производство которого, по словам Ф. Энгельса, «было и остается основой всякого общественного, политического и умственного прогресса» (13). Именно потребности порождают общественную инициативу, направляют ее на решение тех или иных технических проблем. Каждая удовлетворенная по-

требность рождает новую потребность, отрицающую предыдущую, заставляющую производителей создавать качественно новые, более совершенные средства производства.

Само по себе создание новой техники, как одно из выражений общеэкономического содержания прогресса интенсификации производства, происходит неоднозначно и непрямолинейно, представляя единство прерывности и непрерывности. Внутренняя неравномерность интенсификации обусловлена известной цикличностью научно-технического прогресса, выражающейся в периодической смене эволюционных и революционных этапов в его развитии. На последней фазе цикла развития научно-технического прогресса (по классификации Ю. Яковца — фазе морального износа, данного поколения техники) экономический потенциал идей, лежащих в ее основе, оказывается исчерпанным (см.: 14).

Переход к новому циклу развития научно-технического прогресса требует осуществленных затрат на научные изыскания, массовое обновление техники и модернизацию машин, что может служить одной из объективных причин временного замедления темпов экономического роста. Начало следующего периода развития научно-технического прогресса означает качественно новый этап материализации научно-технических знаний, который постепенно становится основой для существенного ускорения роста эффективности общественного производства и разрешения противоречий между новыми потребностями и прежними средствами их удовлетворения. Это противоречие в ходе научно-технического прогресса постепенно разрешается и тем самым вновь воспроизводится, выступая побудительным импульсом интенсификации с точки зрения ее общеэкономического содержания.

Общеэкономический процесс возрастания производительной силы совокупного общественного труда в зависимости от социально-экономических условий протекает по-разному. «Прибавочный труд вообще, — писал К. Маркс, — как труд сверх меры данных потребностей всегда должен существовать. Но при капиталистической, как и при рабовладельческой системе и т. д., он имеет только антагонистическую форму и дополняется полной праздностью известной части общества» (15). Антагонистические формы разъединения труда и собственности на условия производства отстраняют рабочих от прибавочного продукта (см.: 16) и тем самым ограничивает развитие живого труда только его необходимой частью, а внедрение новой техники — потребностями самовоз-

растания капитала (см.: 17). Воспроизводство рабочей силы в качестве элемента капитала, подчиняя капиталу производителя, превращает его в «частичного работника». А это, в свою очередь, требует совершенствования средств производства в направлении, обеспечивающем такое превращение. Капитализация прибавочного труда в процессе интенсификации производства ведет к усилению противоречия действительного труда, что выражается в нарастании отношений господства овеществленного труда над необходимой частью живого труда.

Антагонистическая форма движения противоречия необходимого и прибавочного труда ставит объективные пределы развития общественного производства на интенсивной основе. Неудержимое стремление капитала к присвоению неоплаченного прибавочного труда оборачивается подчас разрушением самого живого труда (см.: 18).

Капиталистическая интенсификация живого труда, по выражению К. Маркса, «превращает в особую специальность отсутствие всякого развития» (19). В результате значительно меньшая доля живого труда опредмечивается, переходя в свою противоположность, овеществленный труд, а в единицу времени живой труд начинает создавать прибавочного продукта меньше, относительно своих потенциальных возможностей, т. е. наблюдается некоторое сокращение производительности живого труда. Возникает антиномия: производительная сила совокупного общественного труда, возрастая, ограничивает (подрывает) развитие живого труда.

Вопрос о внутренней взаимосвязи общеэкономических и специфических противоречий интенсификации выступает ключевым в исследовании источников, движущих сил интенсификации производства. При анализе общеэкономических и специфических противоречий интенсификации необходимо учитывать особенности тех и других; они взаимосвязаны и в то же время не сводимы друг к другу. Вместе с тем совершенно очевидно: общеэкономические противоречия не проявляются вне социально-экономической структуры общества. Это означает, что противоречия интенсификации выражаются как в специфических источниках социалистической интенсификации, так и наряду с ними.

Новая общественная форма производства раздвигает социальные границы интенсификации производства, благодаря расширению поля развития живого труда и формированию общенародной ассоциации производителей. Живой труд полу-

чает дополнительные возможности для своего саморазвития, так как «результаты прибавочного труда принадлежат самим рабочим» (20), и объективные условия их совместного труда превращаются в источник расширенного воспроизводства всех вместе как ассоциации. Это означает, что ассоциация производителей подчиняет средства производства интересам всестороннего развития каждого ее члена наравне со всеми (см.: 21), путем максимального опредмечивания нового уровня развития внутренних потенций живого труда в возрастающей массе прибавочного продукта на основе экономного использования совокупного общественного труда ассоциации в целом. В то же время отдельный работник стремится к такому развитию производства, которое обеспечивает прежде всего «расширенное воспроизводство» его как личности, на основе непрерывного улучшения условий труда и увеличения массы необходимого продукта, причем независимо от общей величины общественных затрат.

Именно в наличии этих противоположных тенденций в становлении интенсивного типа воспроизводства и состоит специфически социалистическое противоречие интенсификации. Оно отражает соцально-экономическую природу нового способа производства и соответствует структуре его субъектов. Для отдельных работников затраты общественного труда на удовлетворение сверхиндивидуальных потребностей выступают как необязательные и они относятся к подобным затратам индифферентно. Со стороны тех же самых производителей, но взятых всех вместе как ассоциация, тот же самый труд и его результаты оказываются необходимыми, поэтому производители становятся заинтересованы в наиболее экономичном использовании всего общественного труда.

Снятие и взаимопереход противоположностей наблюдается, если производители, взятые все вместе как ассоциация, ставят каждого отдельного работника в условия, побуждающие его к максимальному увеличению массы своего живого труда за пределы индивидуальных потребностей и к экономному использованию прошлого труда. Это происходит тогда, когда с интенсификацией производства возрастающая масса прибавочного продукта расширяет поле для развития индивида как личности и прибавочный продукт приобретает черты своей противоположности — необходимого продукта.

Появляются новые собственно социалистические стимулы интенсификации производства. Каждый отдельный работник, присваивая прибавочный продукт, реализует свое экономи-

ческое положение собственника средств производства и начинает вкладывать долю своих усилий в интенсификацию труда и других производителей с целью увеличения массы прибавочного продукта на основе наиболее рационального использования труда ассоциации в целом. В результате происходит ускорение развития производителей, взятых всех вместе как ассоциация. Таким образом, общая заинтересованность ассоциации в экономии совокупного труда, максимальном использовании его внутренних потенций превращается в стимул деятельности каждого производителя. «Тем самым, — писал К. Маркс,— создается всеобщее трудолюбие общества вообще, выходящее за пределы того времени, которое требуется для удовлетворения непосредственно физических потребностей самого работника» (22). Этот кругооборот есть не что иное, как способ развития внутреннего противоречия социалистической интенсификации, форма взаимодействия ее противоположных тенденций.

Движущая сила рассматриваемого противоречия заключается и в том, что оно вызывает необходимость внедрять только технику, создающую оптимальные условия для повышения трудовой активности производителей, что способствует максимальному ее опредмечиванию в возрастающей массе производимых материальных благ. В результате овеществления творческой энергии работников производительная сила совокупного труда как бы умножается, приводя к получению так называемого мультипликационного эффекта внедрения новой техники, который представляет собой интегрированный результат умножения технико-экономического эффекта нововведений на социальные условия их разработки и использования (см.: 23). Именно в этом смысле следует понимать примечание К. Маркса ко 2-му изданию I тома «Капитала» о том, что «в коммунистическом обществе машины имели бы совершенно другой простор, чем в буржуазном обществе» (24).

Подобная техника (без потерь для производства творческих потенций работника) создает необходимые предпосылки для интенсификации живого труда. Интенсификация живого труда, осуществляемая за счет использования творческой энергии производителей, проявляется в уплотнении, рационализации, устранении всевозможных потерь труда, а также в увеличении доли сложного труда в общих затратах.

В условиях социализма кооперация труда охватывает производство всего общества, принимая вид общенародной ко-

операции труда. Это дает возможность полученный технико-экономический эффект нововведения на одном предприятии беспрепятственно использовать во всех остальных звеньях общенародной кооперации труда, благодаря чему общество получает дополнительную экономию живого и овеществленного труда, присваивая мультипликационный эффект внедрения новой техники. При капитализме такая экономия совокупного овеществленного труда не реализуется и не принимает участие в формировании границ применения машин.

Пространственное расширение границ применения новой техники расширяет поле для овеществления живого труда на основе превращения необходимой его части в прибавочную. Присвоение производителями прибавочного продукта создает дополнительные условия для развития способностей, которые в дальнейшем воплощаются в росте производительной силы их труда.

Как известно, внедрение техники, выражающееся в обновлении основных фондов, связано с постепенным переносом стоимости на продукт. Поэтому всегда существует определенный предел неизменности используемых фондов, а значит неизменности производительности труда на каждом отдельном предприятии. Данная неизменность производительности труда преодолевается в процессе свободного обмена передовым опытом, научно-технической информацией и повышением сложности труда.

Рост сложности труда требует совершенствования качества рабочей силы. Развитие качественных параметров рабочей силы способствует росту производительной силы совокупного труда даже при относительной неизменности потребляемых средств производства за счет увеличения «количества машин, которое находится под контролем одного и того же рабочего, т. е. увеличением арены труда последнего» (25). Тем самым обеспечивается непрерывность овеществления живого труда на интенсивной основе, так как изменение «средств или методов труда или того и другого одновременно в равной степени повышает производительную силу общественного труда» (26). Прерывность процесса интенсификации производства преодолевается также благодаря беспрепятственному, свободному перераспределению прибавочного продукта именно в те звенья общенародной кооперации труда, где его использование ускоряет развития всей ассоциации производителей, а следовательно, и взаимопревращение прибавочного и необходимого продуктов.

Таким образом, формирование общенародной ассоциации производителей и снятие всяких социально-экономических ограничений для взаимопревращений прибавочного труда в необходимый труд и необходимого труда в прибавочный труд делает процесс интенсификации социалистической экономики процессом бесконечного ее качественного совершенствования.

Созидательные потенции специфически социалистического противоречия проявляются в том, что осуществление данного противоречия приводит к взаимообогащению необходимого и прибавочного труда, к ускорению его овеществления в новых средствах производства, дающих, по выражению К. Маркса, новый, «мощный толчок развитию производительной силы и экономии условий производства» (27).

Окончательное разрешение внутренних противоречий интенсификации как источников ее развития невозможно, ибо процесс интенсификации экономики — это бесконечный процесс ее качественного совершенствования. Противоречия интенсификации, по словам К. Маркса, «постоянно снимаются, но также постоянно создаются вновь... Все противоречия... опять оживают в новой форме» (28). Здесь фактически встает иная проблема — проблема поиска оптимальных форм управления движением противоречий интенсификации производства. Но это уже тема особого разговора.

1. См.: Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 21.
2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 20. С. 65.
3. См.: Радаева К. Ускорение экономического и социального развития страны (круглый стол редакции) // Эконом. науки. 1986. № 6. С. 15—16; Юзуфович Г., Баронин А. О сущности ускорения научно-технического прогресса // Эконом. науки. 1987. № 1. С. 45.
4. См.: Горбачев М. С. О перестройке и кадровой политике партии // Правда. 1987. 28 янв.
5. См.: Интенсификация и эффективность социалистического производства: закономерности и управление. М., 1984. С. 88, 175.
6. Интенсификация производства есть прежде всего продукт действительного труда, особого способа взаимодействия его элементов, а не результат суммарного использования ее различных факторов, как считают отдельные авторы. См., например, Засухин А. Т. Факторы повышения эффективности социалистического производства. М., 1983.
7. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 316.
8. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 636—638; Т. 25. Ч. I. С. 232; Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 4. С. 100.

9. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 286.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 270—271.
11. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 325.
12. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 325.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 199.
14. Яковец Ю. В. Закономерности научно-технического прогресса и их использование. М., 1984. С. 50—54.
15. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. II. С. 385—386.
16. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 542.
17. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 404—406.
18. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. III. С. 385, 451.
19. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 363.
20. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 25. Ч. I. С. 192.
21. См.: Лячин В. И. Об исходном и основном противоречиях социалистического производства. Этап развитого социализма и ускорение социально-экономического развития. Томск, 1985. С. 25.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 47. С. 251.
23. См. подробнее: Стефанов И. Мультипликационный подход и эффективность. М., 1980.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 404.
25. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 423.
26. См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 324.
27. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 23. С. 421.
28. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 382.

А. М. Израилевский
И. В. Рахманова

ПРОТИВОРЕЧИВОСТЬ РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ АТЕИСТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЫ

Коммунистическая партия, выдвинув в своей Программе лозунг: «Все во имя человека, все для блага человека» (5. С. 127) еще раз показала, что главная цель ее деятельно-

сти — создание условий для всестороннего развития личности каждого члена нашего общества.

«Созданный в стране производственный и духовный потенциал, задачи ускорения социально-экономического развития страны, — отмечается в Программе КПСС, — делают необходимым и возможным существенное продвижение вперед к достижению «*полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества» (В. И. Ленин)» (5. С. 151).

Марксистская философия, раскрыв сущность человека через совокупность всех общественных отношений, сформировала для практической реализации этой цели научную основу. Коренные изменения общественных отношений в результате победы социализма создали объективные предпосылки для свободного развития способностей личности. В системе «общество—личность», как и предсказывали классики марксизма-ленинизма, социалистические преобразования прежде всего отразились: со стороны общества — в изменении классовой структуры, в личностном плане — в расширении возможностей для присвоения «своей всесторонней сущности всесторонним образом» (1. С. 591).

Личность — это индивидуальное бытие общественных отношений. Развитие сознания личности есть процесс освоения ею опыта предшествующих поколений, накопленного в материальной и духовной культуре. Мир, окружающий личность, «предметная действительность», представляет собой, как показал К. Маркс, опредмеченные способности («сущностные силы») человека (см.: 1. С. 593).

Сложный процесс усвоения социальных норм и правил, господствующих в данном обществе, действие в соответствии с ними и означает социализацию личности. Именно активность самой личности, участие в труде, общественной жизни играют значительную роль в процессе ее формирования. Особенно важны при этом социальные отношения внутри референтных групп (коллективов). Межличностные отношения и связи в группах, в целом отражая и выражая отношения класса, общества, обладают определенной специфичностью. В силу ряда объективных причин межличностные отношения могут вступать в противоречия с господствующей в обществе системой общественных отношений (например, религиозные, нравственные). В этой связи особо актуальна проблема осмысления теоретико-методологических и мировоззренческих аспектов диалектического принципа противо-

речия применительно к конкретно-историческому анализу социальных процессов.

Личность, являясь своеобразным фокусом социального пространства, в котором пересекаются отношения различных сфер и уровней, подвергается разносторонним, часто прямо противоположным воздействиям. Порой «пересечение» таких воздействий не только социально не обогащает личность, но и ведет к нежелательным результатам в плане воспроизводства и закрепления негативных стереотипов в ее сознании и поведении. Вместе с тем необходимо иметь в виду, что личность — это не пассивный объект воздействия социальной среды. С одной стороны, личность сама выступает активным субъектом общественных отношений, с другой стороны, она реагирует на внешнее социальное воздействие оценочно-избирательно, в соответствии со сформировавшимися у нее взглядами, убеждениями, установками (см.: 10. С. 96).

Органичность связи личности и общества при социализме, являющаяся объективной основой ощущения личностью своей позитивной ценности, не исключает того, что при определенных условиях она теряет такое самоощущение. Психологически это вызывается утратой веры в поддержку окружающих, что ведет к чувству одиночества, к разрыву части социальных связей и относительному их обесцениванию (социальный феномен «эскапизма»). Формой иллюзорного восстановления утраченных социальных связей выступает религия — мир призрачного счастья, мнимой целостности личности. Видимость коллективности, моральной и материальной взаимопомощи особенно активно создают сектантские организации. «В религиозном сознании аккумулируются и приобретают видимость самостоятельности субъективные, «личностные» характеристики социальной деятельности» (12. С. 68).

В настоящей статье предпринимается попытка проанализировать методологические аспекты принципа противоречивости применительно к изучению феномена религиозного сознания в условиях социалистического общества и на этой основе рассмотреть возможные механизмы усиления атеистического воздействия на верующих.

Субъектом религиозных отношений, культивирующим религиозные традиции и обычаи, выступает не отдельный верующий, а религиозная группа. «Развитие индивида, — писали К. Маркс и Ф. Энгельс, — обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении... история отдельного индивида отнюдь не мо-

жет быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а определяется ею» (2. С. 440). В этой связи представление о личности как об индивидуальном бытии общественных отношений нуждается в дальнейшей теоретической конкретизации.

Личность — это сложное диалектическое единство собственно индивидуальных, а также особенных и общих черт в специфической системе социальных взаимодействий. В личности исторически конкретно проявляется жизнь общества. Всякое социальное целое — общество, класс, группа, в которые входит личность, прямо или опосредованно формируют в ней определенные социальные качества, реализующиеся в системе поступков, потребностей, интересов, установок, идей, чувств и т. д.

Противоречивый характер многообразия социальных качеств личности объясняется тем, что она живет и развивается как в условиях макросоциальной (общество в целом, класс, нация), так и в условиях микросоциальной среды (ближайшее социальное окружение, контактная группа — семья, школа, производственная бригада, религиозная община). Микросреда выступает той «призмой», через которую воздействует на личность макросоциальная среда (см.: 14. С. 175). В силу бесконечного многообразия условий ближайшего социального окружения личности одна и та же микросреда формирует в личности разные, зачастую противоречивые социальные качества.

Если процессы в социальной микросреде в принципе соответствуют отношениям в обществе, действуют в одном направлении, то процесс социализации личности проходит достаточно эффективно. Если же такого соответствия нет, то социальная микросреда (например, религиозная группа) формирует отдельные качества личности в ином направлении, подчас, в противоположном требованиям соответствующего идеала данного класса, общества в целом. Возникает объективное социальное противоречие, преломляющееся в сознании верующего.

Каковы же объективные причины того, что социальная микросреда в условиях социализма не всегда адекватно отражает и выражает социальные закономерности, функционирующие в макросреде?

Важнейшая контактная группа для личности в условиях социализма — трудовой коллектив (см.: 7. С. 1). Характер коллектива, его структура, уровень организации определяются

структурой общества. Однако эта зависимость не однозначна. Вследствие целого ряда объективных и субъективных причин (неодинаковый уровень технического оснащения, организации труда, политико-воспитательной работы и т. п.) условия для формирования всесторонне развитой личности во многих коллективах различны. Еще большим разнообразием отличаются семейно-бытовые отношения, оказывающие важнейшее влияние на формирование личности (см.: 11. С. 301).

Религия как социальный феномен в сущности чужда общественным отношениям социалистического общества. Но она воспроизводится в сознании личности, когда для этого возникает соответствующая почва. Последняя в значительной мере создается религиозным семейным воспитанием, активным влиянием религиозного окружения, негативным пропагандистским воздействием клерикальных средств массовой информации (см.: 6. С. 60).

В условиях религиозного окружения личность постоянно вынуждают к поведению в соответствии с требованиями религиозных традиций и обычаев через механизмы группового мнения, социального, подражания, санкции со стороны окружающих и т. д. Групповой психологии верующих присуще развитое чувство «мы», конформизм, требующие от индивида — «будь как все!». В религиозной группе признание традиций, участие в общепринятой, освященной традицией деятельности (например, религиозный ритуал) активно поддерживаются и поощряются групповым общественным мнением (см.: 19. С. 264).

Признавая важность социальных функций традиций, мы не можем отвлечься от их конкретного содержания. Совершенно ясно, что религиозные традиции крайне консервативны, поскольку сдерживают рост социальной активности личности, препятствуют ее всестороннему развитию. Усваивая под влиянием общественного мнения ближайшего окружения религиозные обычаи, традиции, участвуя в отправлении культа, личность психологически подготавливается к принятию религиозного мироощущения, религиозной идеологии.

Велика роль в этом процессе религиозной семьи. Как правило, формирование мировоззрения подростка из религиозной семьи происходит на фоне противоборства религиозного семейного воспитания и материалистического миропонимания, формируемого в советской школе. «Надо помнить,— писал А. В. Луначарский, — что ребенок в школе отнюдь не является изолированной личностью. Если он при-

носит в школу ту или иную религию, то она навязывается ему средой, в которой он живет, и в огромном большинстве случаев — семьей. Поскольку школа активно проводит борьбу с религией, то она сталкивается с семьей, и ребенок оказывается между двух мощных воздействий на него, запутывается в противоречиях...» (13. С. 304).

Став взрослым, человек в религиозной микросреде продолжает испытывать давление религиозных установок своего окружения. Религиозное поведение личности в конце концов превращается в привычку. Воздействие на личность социально-экономических, идеологических факторов макросреды, способствующих отходу от религии, таким образом, в известной степени нейтрализуется влиянием микросреды.

Люди в своей практической жизни никогда не действовали в строгом соответствии с принципами религии. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя», — отмечал В. И. Ленин (4. С. 104). Основные интересы, потребности верующих людей удовлетворяются не в общине, а за ее пределами. На это обращают внимание и наиболее дальновидные современные теологи. «Наше самоустранение от тех или иных гражданских обязанностей лишает нас должного уважения со стороны окружающих и является вредным для распространения царства божия», — утверждается в редакционной статье баптистского журнала «Братский вестник» (18. С. 50—51). Однако суть проблемы в том, что общины объединяют людей не по профессиональным интересам, не по удовлетворению основных материальных потребностей, а лишь по вере. Верующий ищет в общине удовлетворения определенных духовных запросов. В этом и состоит парадокс религиозного сознания: действительные, насущные социальные потребности верующего, его интересы и представления о человеческих ценностях получают в религии противоречивое иллюзорное, ложное освещение.

Действия человека представляют собой целостную систему, основа которой — система потребностей и интересов личности. «Потребность, — как определил ее С. Л. Рубинштейн,— это, таким образом, испытываемая человеком нужда в чем-то, лежащем вне его; в ней проявляется связь человека с окружающим миром и его зависимость от него» (16. С. 623). Следует учитывать сложное многообразие человеческих потребностей. Жизненно важны для него не только потребности, связанные с физическим существованием, но и потребности человека как социального существа,

переживаемые и тогда, когда он свободен от физических потребностей (см.: 1. С. 566). Будучи сами по себе стимулом деятельности, потребности являются главной движущей силой в развитии интересов, убеждений, чувств, которые затем выступают в качестве факторов, формирующих мотивы поведения (см.: 9. С. 162).

Поступки людей, связанные с отправлением религиозного культа, с соблюдением религиозных обычаев, также имеют в своей основе определенные потребности. Они не обязательно религиозны, не всегда связаны с необходимостью иллюзорно-практических отношений к сверхъестественному. Однако отрицать наличие религиозных потребностей у глубоко верующих людей было бы нереалистично. У верующих есть потребность в культовых действиях, в установлении отношений с единоверцами, с объектом поклонения, в реализации конфессиональных принципов, императивов вероучения в практическую жизнь («вера без дел мертва») (см.: 14. С. 167).

Потребность участвовать в религиозных церемониях не всегда зависит от личной веры в бога. Д. М. Угринович отмечает, что «постоянное посещение церкви или молитвенного дома, повторяя много раз в одной и той же последовательности определенные эмоциональные процессы, создает уже известную привычку к ним, а привычка перерастает в потребность» (17. С. 166). Кроме того, удовлетворение той или иной нейтральной по отношению к религии потребности в повседневной жизнедеятельности может быть связано с культом как средством своей реализации (необходимость отметить рождение ребенка, отдать дань уважения умершему и т. д.). В этом случае главный мотив действия находится вне религии, но, однако, может выступить сопутствующим элементом, сопровождающим удовлетворение этих потребностей. Таким образом, имеет место объективная противоречивость содержания потребности и формы ее удовлетворения.

Для реализации деятельности, однако, недостаточно одних потребностей. Всякое действие планируется личностью при определенных объективных условиях, в комплексе составляющих конкретную ситуацию. Здесь важно то, что «исходной точкой для индивидов всегда служили они сами,— взятые, конечно, в рамках данных исторических условий и отношений, — а не в качестве «чистого» индивида в понимании идеологов» (2. С. 77).

В условиях социалистического общества фактически ни один верующий не обладает «чистым» религиозным видением мира. Система его установок и ценностных ориентаций детермирована в конечном счете существующей совокупностью социалистических отношений, уровнем развития науки, советским образом жизни, передовой культурой и рядом других факторов. Поэтому у большинства верующих людей система социальных установок характеризуется серьезными противоречиями.

Наличие двух возможных программ поведения, двух мировоззрений — атеистического и религиозного — существенно осложняет ситуацию выбора. Личность верующего, обладая противоречивыми склонностями и стремлениями, развивает в подобных случаях сложную мотивационную структуру. Это связано с тем, что верующий никогда не является членом только одной социальной группы, а входит во многие (семья, производственный коллектив, профсоюз, религиозная община и т. д.) социальные группы. Каждая из перечисленных социальных групп воздействует на него, требуя принятия соответствующих норм, правил, оценок *.

В отношении к религиозным обычаям возможны три варианта. Социальная группа либо требует строгого соблюдения религиозных норм поведения, либо отрицает их, либо безразлична к ним. Индифферентное отношение неверующих к религиозным обычаям при наличии в коллективе верующих, как правило, ведет к усилению влияния религиозных традиций, к развитию типа традиционного поведения, превращения его в привычку, в стереотип.

В нашем обществе преобладают ситуации, когда личность верующего находится под воздействием атеистической среды на производстве и религиозной в быту. Подобная ситуация ставит верующего перед необходимостью ориентации на одну из нормативных моделей поведения. Очевидно, поведение личности, находящейся на пересечении противоположных влияний, для одной группы будет нормальным, для другой — отклоняющимся (девиантным). Следует заметить, что выбор ориентации на ту или иную норму поведения не подобен выбору между двумя вещами, представляющими для индивида какую-либо ценность. Человек обычно не взве-

* Интересный анализ конфликтов ценностей в динамике религиозного сознания молодежи США содержится в работе американского социолога Р. Уитноу (21).

шивает хладнокровно все «за» и «против», отчуждая свое «я» от предмета выбора. Личность, меняющая ориентацию, делает это постепенно, сначала подсознательно и лишь осмысливая поступки принимает сознательное решение (см.: 20. С. 841).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что отход от религиозных норм поведения не есть процесс индивидуального выбора, как это зачастую представляют, а скорее результат противоречивого взаимодействия двух нормативных систем. Причем решающую роль играет интенсивность связи личности с той или иной из соперничающих за мировоззрение социальных групп. Вероятно, значимость связей выступает тем фактором, который способствует превращению норм поведения, поддерживаемых данным мнением, в эталон для поступков личности.

Значимость связей личности с другими людьми носит объективный характер, служит жизненной необходимостью для личности и иногда может ею не осознаваться (когда она не в состоянии понять, почему поступает именно так, а не иначе). В большинстве же случаев объективная значимость осознается. Это усиливает ее и служит одним из решающих факторов мотивации поведения.

В процессе мотивации происходит оценка человеком возможной реакции на его поступок со стороны группы, с которыми личность связана в разных проявлениях жизнедеятельности. Такая оценка производится с точки зрения удовлетворения потребностей, интересов, целей и задач личности. Причем учитываются как жизненные потребности, так и соображения престижа личности в структуре значимых для нее групп в соответствии с ее социальной ролью в этих группах. В подобной ситуации личность сталкивается с рядом противоречий. Например, материальная зависимость от родственной группы и престиж в производственном коллективе. Порой ситуация принимает драматический характер: муж — атеист, а жена — член секты пятидесятников — пытается, угрожая уходом из семьи, втянуть его в секту; родители-баптисты требуют от дочери порвать с комсомольской организацией и т. д. (см.: 8. С. 91—92).

В решении таких вопросов важную роль играет авторитет лиц, входящих в ту или иную социальную группу. Хотя проблема авторитета тесно связана с принципом социальной значимости, однако ее выделение позволяет глубже соединить теоретические положения с социальной практи-

кой. Дело в том, что личности трудно принять решение о конкретном поступке, если она заранее уверена: ее действие вызовет неодобрение окружающих. Оценка же социальной группой того или иного действия личности во многом зависит от мнения авторитетных в группе лиц.

Перестройка типа поведения не остается без последствий для целостности сознания личности. Действие не только определяется со стороны внутриличностных психических процессов, но в известной мере и формирует их направленность (см.: 16. С. 537—538). В отказе следовать укоренившимся религиозным традициям, с одной стороны, выражается отношением к ним, с другой стороны, формируется негативная оценка религиозных норм вообще.

Становление негативного отношения личности к религиозным традициям и обычаям — сложный, длительный и противоречивый процесс, в основе которого лежит переоценка ценностей, изменение ориентаций, ломка сложившегося стереотипа поведения. Это связано подчас с глубокими внутренними переживаниями и требует от личности проявления воли, самостоятельности в суждениях и поступках. О том, насколько мучительно проходит процесс утверждения нового мировоззрения, можно судить по письму молодого Энгельса своему сверстнику Ф. Греберу: «Тебе, конечно, приятно в твоей вере, как в теплой постели, — писал он в 1839 году, — и ты не знаешь борьбы, которую нам приходится проделать, когда мы, люди, должны решить, воистину ли бог есть или нет; ты не знаешь тяжести того бремени, которое начинаешь чувствовать с первым сомнением, бремени старой веры, когда нужно принять решение: за или против, носить его или стряхнуть...» (3. С. 412—413). Д. И. Писарев писал, что «готовых убеждений нельзя ни выпросить у добрых знакомых, ни купить в книжной лавке. Их надо выработать процессом собственного мышления, которое непременно должно совершаться самостоятельно, в вашей собственной голове» (15. С. 578).

Атеистические убеждения в личностном отношении формируются всем ходом познания и практической деятельностью, в результате чего возникает необходимость принять или решительно отвергнуть ту или иную социальную норму, включить ее в систему собственных мировоззренческих ценностей как руководство к действию или отбросить.

Учитывая, что убеждения являются важным фактором самоопределения личности, важно исключить любые скоро-

палительные действия, искусственно форсирующие перестройку мировоззрения верующих. Таким образом, задача усиления атеистической работы продолжает оставаться крайне актуальной. «Нельзя ослаблять работу и с такой специфической группой населения, как верующие», — отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС (6. С. 60).

Научно-атеистическая пропаганда среди верующих людей значительно усложняется, поскольку современный верующий стал иным по уровню интеллектуального развития, у него заметна тяга к рациональному обоснованию веры, в большей степени, чем раньше, развит интерес к философским и этическим аспектам вероучения, к истории религии (см.: 8. С. 141). Это важное обстоятельство нельзя не учитывать в практике атеистической работы. Сегодня элементарная, рассчитанная на исчезающий тип малограмотного верующего, узкопросветительская атеистическая пропаганда оказывается неэффективной. В этой связи следует уделять особое внимание разработке теоретических проблем противоречивости современного религиозного сознания и поиску механизмов преодоления религиозных убеждений.

В условиях современного социалистического общества речь должна идти о качественно новой постановке теории и практики атеистической работы, более глубоком проникновении в сложные процессы формирования научного марксистско-ленинского мировоззрения (см.: 5. С. 163). Успешное решение этих проблем во многом зависит как от творческого применения марксистско-ленинских принципов по отношению к религии, так и от глубокого философского анализа состояния религиозности и атеистической пропаганды в современных условиях.

1. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1965.
2. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3.
3. Энгельс Ф. Фридриху Греберу, 12—27 июля 1839 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 41.
4. Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12.
5. Материалы XXVII съезда КПСС. М.: Политиздат, 1986.
6. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС 14—15 июня 1983 г. М., 1983.
7. Закон Союза Советских Социалистических республик о трудовых коллективах и повышении их роли в управлении предприятиями, учреждениями, организациями. М., 1983.
8. Арсенкин В. К. Кризис религиозности и молодежи. М., 1984.

9. Демьянов А. И. Религиозность: тенденции и особенности проявления. Воронеж, 1984.
10. Доля В. Е. Иллюзия духовности. О превратном характере религиозного мировоззрения. Львов, 1985.
11. Кон И. С. Открытие «я». М., 1978.
12. Левада Ю. А. Социальная природа религии. М., 1965.
13. Луначарский А. В. Почему нельзя верить в бога. М., 1965.
14. Мокроносов Б. В., Москаленко А. Т. Методологические проблемы исследования общественных отношений и личности. Новосибирск, 1981.
15. Писарев Д. И. Избранные философские и общественно-политические статьи. М., 1949.
16. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
17. Угринович Д. М. Философские проблемы критики религии. М., 1965.
18. Братский вестник. 1963. № 1.
19. Beit-Hallahmi B. Persohal and Social components of the Protesrant ethic. The Jcurnal of Social Psychology, 1979, vol. 109, dec., second half.
20. Stoker R., Hewitt J. Alignig Action. American Sociological Review, 1976, vol. 41, n. 5.
21. Witnow R. Recent Pattern of Secularization a problem of generations? American Sociological Review, 1976 vol. 41. n. 5.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из существа диалектики как из «учения о развитии в его наиболее полном, глубоком и свободном от односторонности виде» (1) диалектическое противоречие представляет собой «корень всякого движения и жизненности», «истину и сущность вещей» (2). Таким образом, методологическая значимость концепции диалектического противоречия в научном познании и практике очевидна, как очевидна органичная взаимосвязь позитивной разработки диалектики с эффективностью ее методологического применения. В справедливости этого положения читатель мог убедиться, знакомясь с материалами данного сборника.

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на те положения и выводы, представленные в статьях сборника, которые, имея особую методологическую значимость, требуют дальнейшей теоретической разработки и обобщения. Например, положение (см. статью «К вопросу о природе диалектического противоречия») о том, что:

— материальные вещи (системы) «изначально» (по самой своей природе) противоречивы и поэтому всегда «чре-

ваты» противоречием как «движущим и порождающим принципом» (К. Маркс) их бытия; в этом смысле рассмотрение динамики «жизни» диалектического противоречия есть рассмотрение динамики процессуального бытия всякой материальной вещи (системы), причем в движении ее сущностных характеристик;

— противоречие не существует, не разрешаясь полностью или отчасти, в силу чего «жизнь» данного противоречия развернута во времени, суть процесс, на определенных фазах которого противоречие, разрешаясь частично, воспроизводится именно как данное противоречие, сохраняет себя, обеспечивая тем самым длительность существования тех или иных характеристик материальной вещи (системы) или бытия вещи в целом.

В других статьях сборника («Информационная реальность как противоречие отношения и связи», «О применимости логики противоречия в физической теории», «Об основном содержательном противоречии социального познания», «Противоречия социалистической интенсификации производства» и др.) показано, как методология концепции диалектического противоречия может служить приращению знания в понимании сущности таких специфических объектов познания, как информационная реальность, физическое и социальное познание, творческая деятельность, трудовой коллектив и т. д.

Легко видеть, что использование логики диалектического противоречия делает еще более актуальным и в теоретическом, и в практическом плане решение проблемы поиска форм, в которых научное познание отражает объективную противоречивость бытия исследуемых объектов, выявляет специфику объективной диалектики основных форм движения материи, дает анализ структуры (системной) иерархии объективных противоречий, способов и форм их разрешения и др.

Совершенно очевидно, что путем абстрактного теоретизирования эти задачи не решить. Только обобщая практический опыт исследования логики диалектического противоречия в анализе конкретных явлений действительности и процесса их теоретического отражения, можно ожидать идейного обогащения и самой теории диалектики.

Сегодня, когда революционный дух обновления и перестройки становится важным фактором дальнейшего развития социалистического общества, как никогда справедливо указание В. И. Ленина, о котором напомнил на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС т. М. С. Горбачев, что ценность теории в точном изо-

бражении «всех тех противоречий, которые имеют место в жизни» (3), ибо «надо брать вещи такими, каковы они есть, то есть отстаивать революционные интересы таким путем, который соответствует изменившимся обстоятельствам» (4).

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.
2. Гегель. Наука логики. М., 1970. Т. 1.
3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. М.: Политическая литература, 1987.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

А. Я. Райбекас — зав. кафедрой философии Красноярского государственного университета, д-р филос. наук, проф.

Н. М. Чуринов — доц. Красноярского завода-втуза, канд. филос. наук

П. В. Полуян — ст. препод. Красноярского сельскохозяйственного института

В. А. Устюгов — асс. Красноярского государственного университета

А. В. Тихонов — ст. препод. Красноярского филиала Омской высшей школы милиции

Т. А. Ростовцева — доц. Красноярского государственного университета, канд. филос. наук

В. В. Майор — ст. препод. Красноярского государственного университета, канд. филос. наук

В. Ф. Навозов — доц. Томского педагогического института, канд. филос. наук

Л. В. Лесовская — доц. Красноярского государственного университета, канд. филос. наук

И. Я. Стернин — доц. кафедры политэкономии Красноярского института цветных металлов, канд. экон. наук

А. М. Израилевский — доц., зав. кафедрой философии Сибирского технологического института, канд. филос. наук

И. В. Рахманова — асс. кафедры философии Алтайского сельскохозяйственного института

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ		3
РАЙБЕКАС А. Я.	К вопросу о природе диалектического противоречия	5
ЧУРИНОВ Н. М.	Информационная реальность как противоречие отношения и связи	14
ПОЛУЯН П. В.	О применимости логики противоречия в физической теории	22
УСТЮГОВ В. А.	Проблема основного противоречия химической формы движения материи	36
ТИХОНОВ А. В.	К вопросу о познании внутренней противоречивости живой природы в процессе формирования теории естественного отбора	45
РОСТОВЦЕВА Т. А.	Об основном содержательном противоречии социального познания	53
МАЙОР В. В.	Противоречие познавательного и ценностного и проблема социальной обусловленности знания	63
НАВОЗОВ В. Ф.	Ленинская концепция развития через борьбу противоположностей — философская основа теории революционного действия	71
ЛЕСОВСКАЯ Л. В.	К вопросу о единстве продуктивного и репродуктивного в творчестве	79
СТЕРНИН И. Я.	Противоречия социалистической интенсификации производства	85
ИЗРАИЛЕВСКИЙ А. М. РАХМАНОВА И. В.	Противоречивость религиозного сознания и актуальные проблемы атеистической пропаганды	94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ		105
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ		108

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

(Методологический аспект)

Межвузовский сборник

Отв. ред. Альберт Янович Райбекас

Редактор Т. М. Пыжик
Корректор Л. В. Гехман

Подписано в печать 09.12.87. Формат 60×84 1/16.
Высокая печать Бумага типографская.
Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 6,4.
Тираж 500 экз. Заказ 269. АЛ01869. Цена 70 к.

Редакционно-издательский отдел КГУ,
660075, Красноярск, ул. Маерчака, 6.

Типография «Красноярский рабочий»,
660049, Красноярск, пр. Мира, 91.

ПРОБЛЕМА ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ

(МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)